

МОЙ ДАЛЬНИЙ СОВЕТСКИЙ ВОСТОК

№ 19 октябрь 1967 ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания сорок четвертый
Выходит два раза в месяц

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

ОКТАБРЬ

1967 19 (1967)

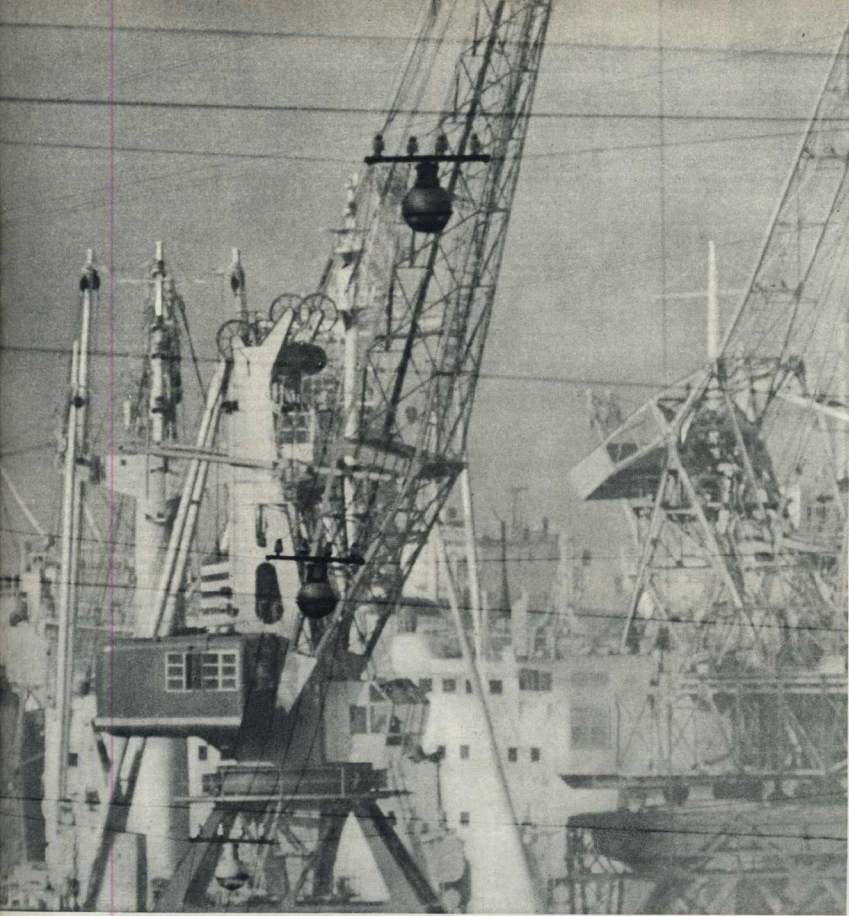
Когда рано утром
этот номер «Смены»
придет в киоски Москвы,
на Дальнем Востоке
уже наступит вечер.
Как трудно представить
непрерывный рассказ,
много часов
идуший по стране
от востока до запада!
Огромна наша Родина.
Даже солнце не в состоянии
сразу осветить ее.
Там, где начинается день,
живут замечательные люди.
Это моряки и шахтеры,
геологи и пограничники,
химики и рыбаки...
Да, трудно назвать профессию,
которая не нужна была бы
сейчас на Дальнем Востоке,
где советский человек
словно читает бесконечную книгу,
раскрывая все новые
и новые богатства.

О Дальнем Востоке,
земле комсомольской славы,
крае сильных
и мужественных людей,
и пойдет речь
на страницах этого номера.

Говорит начальник отдела
комплексного развития
плановой комиссии
Дальневосточного
экономического района
Н. М. СИНГУР

Однжды я разговаривал с ленинградским студентом. Я спросил его, что он знает о Дальнем Востоке. «Подумаешь», — сказал он мне, — да о Дальнем Востоке все известно. В Магаданской области — золото, в Приморье — рыба, да еще где-то в Уссурийском крае — тигры». Вот так. Коротко и ясно. Отдавая должное эрудиции подобных молодых людей, я все же хочу сказать, что их познаний, мягко говоря, недостаточно для того, чтобы судить о Дальнем Востоке. Да, у нас поистине сказочные

природные ресурсы, богатейшие земли. Я не стану перечислять, сколько Фриции или Люисембург можно уместить на карте Дальневосточного экономического района, но кое-какие цифры все же приведем.

Дальний Восток — это богатейшие запасы олова, это — золото, свинец, вольфрам. Дальний Восток — это треть союзных запасов леса и рыбы, это крупнейшие месторождения угля и железной руды. Исключительно благоприятны на Дальнем Востоке условия для развития гидроэнергетики. Поэтому-то ученые и ставят

вопрос о создании здесь так называемых сырьевых и энергоемких производств.

Однако от одного сознания «ах, какие мы богатые» толку мало. Все эти богатства надо суметь взять, использовать. Партия и правительство в решениях XXIII съезда КПСС и в других постановленных предусматривают ускоренное развитие производительных сил Дальневосточного экономического района. В 1970 году здесь должно быть произведено промышленной продукция в 1,6 раза больше, чем в 1965-м.

Речь идет прежде всего о бурном

росте цветной металлургии, рыбной, лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности. Причем имеется в виду не просто освоение природных богатств, а освоение экономически эффективное. Поэтому мы планируем создание промышленных комплексов на базе местных ресурсов. Однако, учитывая интересы каждой области, следует координировать планы экономического развития, направляя их на комплексный sfruttamento природных богатств Дальнего Востока. Разумеется, эта работа не на год и не на два.

Сейчас рождается новая наука — прогностика. Что будет через 10, 20, 100 лет? Как будут меняться вкусы людей, их потребности? Чтобы ответить на все эти вопросы, нужен настоящий стратег будущего, ученый, способные оперировать огромным объемом знаний, начиная с психологии и кончая экономикой. Такие специалисты найдут на Дальнем Востоке широчайшее поле деятельности, потому что нам надо планировать на много лет вперед.

Экономика нашего района такова, что нужно глубоко и всесторонне учитывать сложные взаимосвязи между краями и областями. Например, в Хабаровском крае, в Амурской области большие запасы гидроэнергии, а в сире — в других районах. Для того, чтобы в комплексе решить экономические проблемы Дальнего Востока, необходимо развивать экономическую науку. В самое ближайшее время у нас в системе Дальневосточного филиала АН СССР будет создан научно-исследовательский институт экономики.

В решении XXIII съезда партии поставлена задача создания на Дальнем Востоке новой металлургической базы страны. У нас есть несколько вариантов решения этой задачи. В Аляске открыты уникальные месторождения цветных металлов и железной руды. Однако дело осложняется тем, что в условиях сурового климата и гористой местности возникают большие трудности для строительства и эксплуатации предприятия.

Рассужду еще об одном важнейшем и, на мой взгляд, очень романтическом направлении в развитии экономики Дальнего Востока. Сейчас мы тратим в год свыше 100

миллионов рублей на завоо нефтепродуктов. Понятно поэтому, какое огромное значение придаем мы разведке нефтяных месторождений. Правда, у нас есть нефть на Сахалине. Но ее мало, да и обособность сахалинской нефти очень высока.

И вот ученые доказали, что на Дальнем Востоке должна быть нефть. В прошлом году в Бурее с глубины 350 метров были подняты первые образцы... Я помню, с каким волнением передавали мы друг другу из рук в руки пробирки с буренной нефтью... Геологи! В наших руках поистине будущее громадного экономического района. Нефть — это нефтехимия, это все! С открытием крупных месторождений нефть район изменится, как по волшебству. (Думаю, что когда речь идет о нефти, и экономист может позволить себе столь романтические выражения.)

В ближайшие годы на Дальнем Востоке возникнут и такие отрасли промышленности, которых вообще здесь никогда не было. Мы сейчас испытываем острую потребность в вычислительной технике. И нам повзрз нужны математики, специалисты по электронике и автоматике.

В текущем пятилетии резко возрастут энергетические мощности. Достаточно сказать, что в 1970 году выработка электроэнергии увеличится в 1,8 раза. А будет в избытке электроэнергия, значит, неизбежны и структура машиностроения. Во-первых, оно будет ориентировано на выпуск высококачественной продукции специально для Дальнего Востока (ведь наши климатические условия предъявляют к промышленной продукции жесткие требования). Кроме того, дальневосточные пред-

приятия будут выпускать продукцию, предназначенную для экспорта в страны тихоокеанского бассейна. Разумеется, производство новейшей техники требует высококвалифицированных специалистов. Одним из путей нам здесь не обиделись. Он должен быть подкреплен разносторонними знаниями, инициативой, способностью принимать самостоятельные решения и отвечать за них.

Я думаю, что настоящие комсомольские традиции как раз в этом — в умении работать рационально, быстро, словом, так, как подобает молодому человеку XX века. Недавно страна праздновала 35-летие славного города юности — Комсомольска-на-Амуре. Сегодня рядом с Комсомольском выросли его спутники: Горный, Солнечный — центр нового оловорудного района, Амурсь, где сооружается крупнейший Комсомольский целлюлозно-картонный комбинат. В 1960 году ЦК ВКПСС объявил строительство Комсомольского ЦКК Восточной ударной комсомольской стройкой.

Работники Комсомольского комбината (правда, кое-кто из них уже вышел из комсомольского возраста) вместе с сотрудниками научных учреждений Москвы, Ленинграда и Киева разработали технологический процесс производства целлюлозы из местного сырья — кедрового брусничка.

Высокая, полученная таким способом, обладает высоким качеством, ее производство экономически очень выгодно. С пуском Комсомольского ЦКК резко возрастет производство товарной целлюлозы, фанеры, бумаги, вискового шпана.

Изменит свое лицо и цветная металлургия. Сейчас мы получаем, например, свинцово-цинковый или оловянный концентрат, а пеннейшие

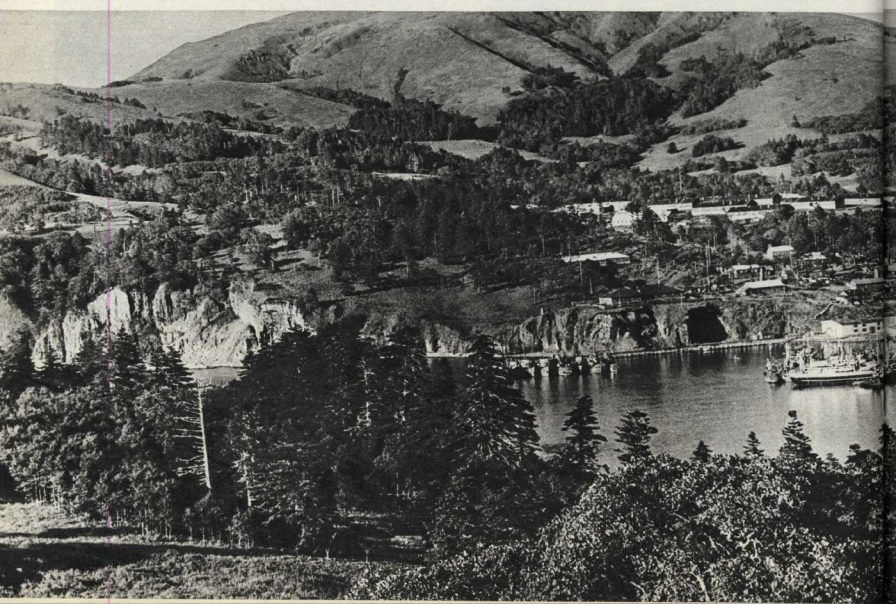
примеси — сера, радиоактивные элементы — идут в отходы. Поэтому перед нами стоит первоочередная задача — глубокая переработка полиметаллов. А для этого олитт же нужны специалисты высокого класса.

Нельзя говорить о Дальнем Востоке и не сказать о нашей рыбной промышленности. Боясь, что тот молодой человек, о разговоре с которым я рассказывал в начале, тоже знает об этом только одно: на Дальнем Востоке есть красная икра, крабы, кета. Мне кажется нелишним напомнить здесь решения XXIII съезда КПСС. В них сказано: «Довести улов рыбы, добычу икры, морского зверя и морепродуктов на Дальнем Востоке примерно до 35 процентов общесоюзного объема».

Сейчас вст курс на океанический лов. Наши рыбаковещики суда уходят к берегам Австралии и Америки. К сожалению, структура флота несовершенна. Здесь нельзя менять технику, создавать новые типы судов, строить рефрижераторы, перерабатывающие базы. Предстоит освоить новые районы лова, переработку разнообразных пород рыб.

Об океане можно писать самые романтические поэмь. Мы, по существу, только начинаем использовать его богатства. Треняги, кальмары, трескины, целлюйные водоросли... Сегодня, например, мы за золото продаем трескины в Америку. На вкусе это же жрыбы. А у нас на внутреннем рынке они долго не шли, лежали навалом на прилавках. Правда, сейчас во Владивостоке они нарастают...

Хочу вернуться к вопросу о романтике. Странное дело, у молодежи идет естественная возрастная переоценка ценностей, а вот детские представления о романтике

остаются! В бесчисленных песнях воспеваются лишь дороги, костры, комары и паломаришки. А ведь есть и наша романтика. У нас на Дальнем Востоке на самых ответственных участках работают двадцатитретьягетные — главные геологи, главные инженеры, капитаны, мастера. В этом смысле у нашей молодежи есть, пожалуй, преимущества перед их сверстниками из центральных областей. Нашу молодежь никто не упрямлет в инфантилизме. У нас от этой болезни излечиваются быстро.

Я сам коренной дальневосточник. И я считаю, что это самый романтичный край. Сколько писелось о романтике Сибири, о красоте ее природы, но Дальний Восток поражает даже выдавших виды сибиряков. Недавно к нам приезжала делегация ученых из Новосибирска. Поехали мы с ними на катере по Амуру. Все дороги они поспынали: доскают, ука-то будет? А приехали, забросила удочки — и через две минуты ося! Одних карасей часа за два штук пятьдесят яловали. Саварили ужу. Все вроде бы довольны! Веселье, но вдруг один из гостей говорит мне, что все-таки настоящего удовольствия он не получил. «Почему?» — спрашиваю. «Да потому, что дома никто не поверит». Это, пожалуй, действительно существенный недостаток нашей рыбалки. Готов держать пари, что и слота у нас не хуже. А Хехирский заповедник недалеко от Хабаровска! Мне трудно о нем рассказывать... Здесь все надо пробовать на вкус, на ошущ. Здесь и виноград, и малина, и клубника, и лимонник... В заповеднике живут и олени, и лисичи, и белки, и бурзудки. Но уж, разумеется, из всех видов ружей здесь разрешено только

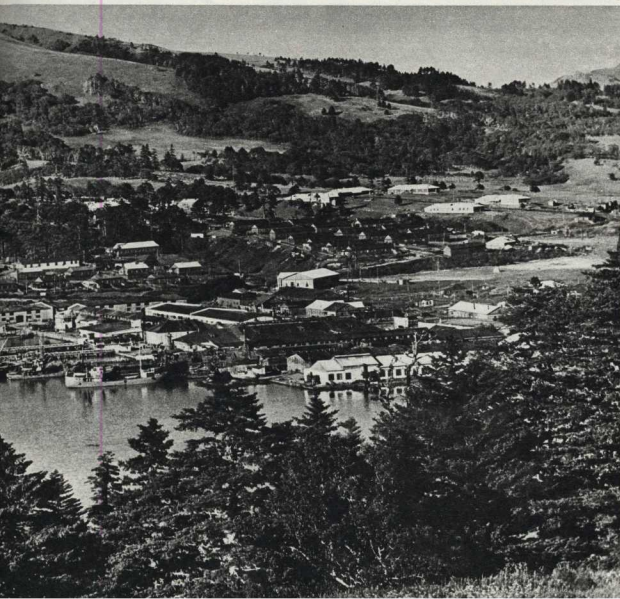
фоторужье. Правда, я должен огорчить слишком уж больших любителей экзотики. Тигров мало, и они охраняются государством. Поэтому тем, кто приедет на Дальний Восток с желанием заполучить драгоценный трофей — тигровую шкуру, — придется разочароваться.

Подводя итоги, я хочу сказать молодым:

— Приезжайте к нам на Дальний Восток, здесь вы будете поистоящему мужжыми, потому что большая, ответственная работа — вот главный фактор, которым живет человек. Дальний Восток — это не только край ускоренного развития экономика, но и край, где ускоренно формируется личность человека. Дальний Восток ждет молодых людей, которые идут в ногу с веком, которые способны созидать.

Широки магистрали столицы Дальнего Востока.

Остров Шикотан. Крабоводецк — столица крабоводев.

Рассказывает председатель
Приморского крайисполкома
М. М. КУЗНЕЦОВ

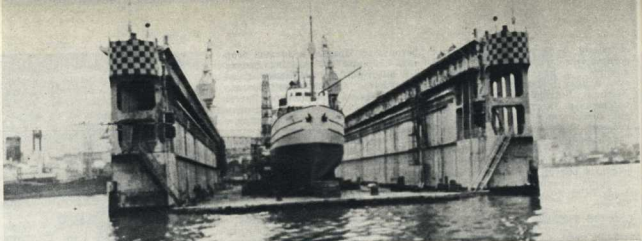

Я здесь, в краю этом, без малого лет тридцать уже, хотя уроженец и житель был совсем иных, далеких отсюда мест.

Как прижился, спрашивает? Когда у человека дело есть по душе, для него повсюду тогда и климат крымский и жизнь интересная, полная.

А тут именно таков место, где дела полно — и в сельском хозяйстве, и в промышленности, и на земле, и на море, и в небе...

Я начал не во Владивостоке, а в маленьком городке Приморья — Хореле, работал секретером райко-

Здесь «лечат» корабли.

ма партии, поездил немало, узнал здешних людей. Климат в суровая работа делают их особенными: в них много упорства, спокойствия, внутренней силы. Для молодежи, специалистов, приехавших сюда, как мы говорим, с Запада, здесь неплохая школа нравственной закалки. «Слабак не выживет». Кто уходил в море на путину, — а это 6—9 месяцев вдали от берега, — кто пережил шторма и цунами, спасал людей или улов, жилив или урожай, — те знают цену этим словам.

И все же прекрасный это край — с огромными перспективами, весь в стройке. Вся у нас есть: прекрасные леса, полные дичи и зверья, тут рыбы полно в море и реках, озера горячие целебные, в тайге — лимонник, из которого получают настой, возвращающий уставшему силы и энергию. А сонник, а горныя реки! Любители дальних дорог только во сне видят маршруты, по которым ходят наши туристы...

Здесь есть и нетронутые заповедные места, есть места, которые нужно еще обживать, впереди много, но и сделана — оглянемся назад — великая работа. Хозяйство Приморья многоотраслевое. Промышленное производство выросло за советские годы более чем в 70 раз.

Я не хочу, как говорится, наш край перехвалять, но судите сами: в прошлом году валовая его продукция составила 1,6 миллиарда рублей. Это примерно 30 процентов в экономике Дальневосточного района. Молодежь, смену себе стараям — растить грамотную, технически и эстетически образованную. Для нее у нас есть 10 высших учебных заведений на 38 тысяч студентов, 25 средних — там тоже около 30 тысяч

специалистов готовится, 27 музыкальных школ на 13 850 человек; за два последних года построено 50 клубов, открыто 3 народных театра, новые кинотеатры. Но краю нашему этого мало. И, главное, нужны руки молодые, их азарт, энергия.

У нас в земле огромные богатства: уголь, олово, цинк, медь, кадмий. Одного только бурого угля более 80 месторождений. Родились новые отрасли промышленности: цветная металлургия, горно-химическая, легкая, деревообрабатывающая.

Города наши молодые: Находке — 15 лет, Лучегорск — вообще новорожденный, сейчас стекается туда народ на строительство Приморской ГРЭС. Бикинский угольный разрез, Редиковский разрез. Начинем расширять Суванскую, Артемовскую, Владивостокскую электростанции. Вы посмотрите, сколько работ! Недавно ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли решение о развитии производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области. Это постановление предусматривает комплексное развитие края и экономически выгодных отраслей промышленности. Производство промышленной продукции по краю возрастет в 1,7 раза. Будем стараться возможно полно использовать свои ресурсы с минимальными затратами средств и труда. Построим новые заводы, увеличим посевные площади, чтобы всем необходимым обеспечивать себя сами.

Когда в Приморье еще только создавался комсомол, в газете «Юный коммунист» печаталось специальное воззвание, строки из которого, неуклонно немногим, но горячие, а хотел бы сейчас повторить,

Новые кварталы Южно-Сахалинска наступают на холмы.

обращаясь к нынешним юношам и девушкам: «Молодежь! Где ты? Где ты, на которую всегда возлагали столько надежд! Товарищи! Довольно слов, будем работать и проводить ту линию, которая рисует нам светлое будущее!»

Слова эти и сейчас актуальны. Призывайте и яви! Материально жить у нас неплохо. К 1975 году на каждого жителя придется не менее 8 квадратных метров жилья, то есть практически по комнате. Снебжеина у нас хорошеет только в Одессе, пожалуй, в магазине такое изобилие свежей рыбы, да еще креветки, хитрое мясо, консервированная сайра, морский гребешок. А мясом Не

только говядина или свинина, на прилавке мясо изюбра, оленина, медвежатина. Заскучать тоже трудно. Во Владивостоке есть свой театральный коллектив, и все время приезжают в города Приморья на гастроли хабаровцы, москвичи, ленинградцы.

Молодежь у нас ценят, заслуженно быстро выдвигают, специалистам создают хорошие бытовые условия, стараются всчески закрепить. Могут для примера привести опыт нашего крупнейшего треста Дальметаллургстрой, где от молодого специалиста до опытного умелого руководителя выросли главный инженер треста В. А. Кузьмин, начальник управле-

ния В. Бабин и главные инженеры управлений М. Алешин, А. Суворов и другие.

То же и у моряков, рыбаков, в клиниках, шахтах, рудниках.

Строим заводы, дома, тянем водопровод по дну моря, прокладываем автодорогу через непроходимую тайгу, воздвигаем гидроузлы, ставим линии электропередач, ловим рыбу, добываем уголь. Потому и руки нам чужбы. Мы ждем и себе не транзитников, искателей завоини и другой романтики, а основательный, работающий народ.

Учите, мы самые первые в стране встает на работу!

Аборигены Камчатских берегов.

В паровозных топках
смигали нас японцы,
рот заливали свинцом
и оловом.
— Отрекитесь!— ревели,
но из
горящих глоток
лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм!

В. МАЯКОВСКИЙ

Вся его жизнь...

А. ИВАНОВ

Да, таким был Сергей Лазо — революционер, коммунист, боец.

Еще в юношеском дневнике он записал: «Нужно готовить себя к революционной борьбе... приучать себя к лишениям, закалять физически. Нужно овладеть как можно большими знаниями, чтобы передать их потом народу и этим помочь ему в революционной борьбе».

С детства, с юности готовил себя Лазо к гражданским боям. Он погиб двадцати шести лет, успев пройти славный путь.

...Июнь 1916-го. Лазо, студент Московского университета, призван в армию и направлен в военное училище. Шла империалистическая война. Царизму требовались новые солдаты, которые бы проливали кровь «за царя, за отечество».

После училища прапорщика Сергея Лазо направляют в Красноярск, в 15-й сибирский стрелковый полк.

Еще в Москве, учась в университете, Сергей работал в солдатском госпитале. Там он написал однажды: «Пусть говорят, что наш русский мужик необразован, но пусть лучше молчат те, кто привык ругать слепца». Пусть солдаты люди неразвитые, но у них живой ум, они жаждут знаний и поймут их, если облечь в доступные формы».

не я такой? Кем я хочу и кем я должен быть? С кем и до кого при этом считаться? Со своими ли мыслями, выстраданными убеждениями или с кем-то другим? Не совершу ли я преступление перед своим дальнейшим развитием, если хоть в малой степени в выборе своей деятельности я буду чувствовать принуждение со стороны? И тут мысль, яркая и сильная, возникала в голове: ты должен отречься от всего, стать человеком «без имени, без рода и племени» и решать сам на основании своих знаний и стремлений, кем ты должен быть.

Каное великое счастье, что я выросал, стал в стороне от той среды, которая меня вырастила. Пусть зависимость от родного дома была внешне сильна, но изнутри она умерла. Было достаточно быть этой внешней зависимости оборотом, как низкая стена пологому. Всем существом моего тогда овладело стремление к знанию и стремление к самостоятельности и работам были нераздельными и в настоятельной степени требовали проведения в жизнь.

Ради этих стремлений я готов был пожертвовать и мертвым удовольствием и личным счастьем...»

... * * *

Но вернемся в Сибирь... Идет гражданская война. Идет война за власть Советов, за Страну Советов.

Второй Всероссийский съезд Советов дал Лазо чрезвычайные полномочия по борьбе с контрреволюцией. Лазо — командующий Забайкальским фронтом. В письме матери о своей военной работе он пишет как о необходимом, во временном деле. Его мечта — работать в Совете, строить новое государство, но партии требует, и он становится умелым военачальником, политическим руководителем. Он выступает перед рабочими, агитатором, создавал новые отряды, дрался с бандами белогвардейца Семенова. Вот что писал он о боях с семеновцами, обращаясь к красногвардейцам:

«Бюллетень 25 июля 1918 года.

Разъезд 35-й. Теперь все узрели вранья Семенова, ничто ему не верит; банды Семенова разбежались, китайцы побросали оружие и ушли; даже офицеры, самый надежный по сак пор японцы, стало подозрительно для Семенова. Переходят от организуемых офицеров заговоры против Семенова, над которыми установлена постоянная слежка со стороны офицеров, дабы он не поубавит с набравшимися деньгами, не поделит между всеми. Несколько раз китайцы стреляли по Семенову, но последний под градом пули ушел, причем был убит артиллерист. Китайские власти, видно, тоже недовольны Семеновым. Китайская делегация обещала арестовать Семенова, для чего им необходимо только известное сроч. Она подтверждает все вышесказанное о Семенове.

За последние наступление перебежники перешли, что убит в районе издательства. Мы живем тут тревожно; каждый офицер с собой носит штатское платье, чтобы в критический момент переодеться.

Прошлое воскресенье лавина окатила всех семеновцев. В Маньчжурии офицеры пригрозивались и переоделись даже в японские мундиры. Разнесла молва, что большинство захватывает Маньчжурию».

Семеновцы разгромлены. Летом 1918 года Лазо вступает в партию. Вот что написал он в записке:

«С июня 1916 года я участвовал в революционной работе. После победы революции и с оружием в руках защита и защита советскую власть. Я давно уже пришел и заключаю, что только большевизм способен повести за собой массы и закрепить эту революцию. И чем я ей всеми силами помогал и помогаю».

Осень 1918 года. Началась интервенция. Сиделась лавина. Решили всем уйти в подполье, готовить силы к новой, решающей атаке. Сергею Лазо поручено расформировать боевые отряды революции. То, что создавал собственными руками, ликвидировать. Трудно, больно, но выход...

Белогвардейцы с небольшим отрядом бойцов во главе с Лазо отступают, взрывая за собой мосты, сдерживая наступление врага. И вот взорван бронепоезд. Теперь — в тайгу. Вот как вспоминает об этом жена Сергея Лазо — Ольга Александровна:

«Наступила минута прощания. Последняя война часть раздалась... Враг временно оказался сильнее. Мы отступили, но на рассвете приехали в лагерь. Сказал Лазо, прощаясь с бойцами: «Разойдитесь по деревням и поселкам, готовьтесь к будущей борьбе».

На следующую ночь Сергей Лазо, я и небольшая группа работников забайкальского фронта выдвинулись по Якутскому тракту в тайгу, чтобы на время скрыться от врага и замести тропы».

В тайге долго оставаться было нельзя, на-

Гражданская война закончилась. И 1922 году только на Дальнем Востоке продолжались бои с остатками белогвардейских банд. 12 февраля под Волочанкой Народно-революционная армия начала окончательное разгромное контрнаступление. Следующая крупная победа — под Славянском — обратила захватчиков в бегство.

Отряды нашего партизанского соединения в районе Сузана уничтожили остатки белогвардейских войск, захватывают бывший комиссарский отряд партизанских отрядов Примогорья Иван Петрович Саусенко... И вот были короткими, но темными белогвардейцы, почти все офицеры, сражались с упорством обреченных.

Мы, партизаны, вели фланговые бои, а части Народно-революционной армии развивали основное наступление. Развинута, приближалась. В ночь на 24 октября получаем приказ: грузиться в машины и двигаться во Владивосток.

В горы прибыли рано утром. Я не был здесь четыре года, с первого же дня начался интенсивный процесс. Мы шли тогда либо в подполье, либо став партизанами. И вот знакомые улицы, площади... Повсюду слышны следы последнего бегства японцев и местной буржуазии: разграбленные магазины, сломанные лупы домов. Враги Советов вывели все, что смогли: деньги, продовольствие, машины. Опустила бухта Золотой Рог. Тамное было виднеться все это.

А потом началось решительное вступление. Оказались, ни вы многие мои старые товарищи, герои подпольной войны. Теперь все с огромной радостью приветствуют и мои дела — «принимали город у бешавших хозяев», срочно создавали революцию. Улицы в тот день, наверное, были в Восточном округе части Народно-революционной армии, оцифрованными городами и мостами: вывесок, флагов. Наступление было грандиозным. Начиналась новая жизнь.

Части Народно-революционной армии входят в освобожденный Владивосток 25 октября 1922 года.

ниги о русско-японской войне и работы Маркса и Ленина».

Изучение теории и тактики революционной борьбы — важная часть работы в подполье. Сохранялся список книг, которые изучал Сергей Лазо в дни временного отступления. Среди них работы Маркса, Энгельса, Ленина, книги Жакса Руссо, философские сочинения Шопенгауэра, Фихте, Вольтера, книги Чернышевского, Герцена, Горького... Тут же «Руководство железнодорожного машиниста, мастера депо и его помощника».

...Весна 1919 года. Красная Армия начала наступление на Колчака. Пришло время вновь начинать борьбу. Партия поручает Лазо командование партизанскими отрядами Приморья. Зимой — подготовка восстания против кокашников. Лазо возглавляет штаб по подготовке восстания. В эти дни он записывает в дневнике:

«31 декабря 1919 года, Владивосток, Итан, Новый год настал. И я в голове уже рождал воспоминания прошлых лет, переметных годовщины. Как не сложили они были между собой... Исповню. Один в забитом углу глухой дощатой стены, чуждым, которому приносили работу — стою и думаю о далекой отечественной доли, чужеродном, калды, а в тайниках стола —

Фото И. ШАГИНА и из архива Центрального музея Вооруженных сил СССР.

Валентина Хетагурова родилась в Ленинграде. Но имя ее неразрывно связано с Дальним Востоком. Восемнадцатилетней девушкой по призыву комсомола она уехала осваивать этот край. В 1937 году в «Комсомольской правде» появилось ее письмо-обращение: «Девушки, приезжайте к нам на Дальний Восток...» Так родилось всесоюзное движение «Хетагуровки». Валя стала одной из самых знаменитых советских женщин. Ее обращение нашло отклик во всех уголках страны. Из Москвы, Харькова, Пензы, других больших и малых городов уходили на Дальний Восток целые «девичьи батальоны». Хетагуров-

ский комитет в Хабаровске получал сотни писем и телеграмм и дней. Ижевские ткачихи писали: «Хотим быть шоферами. Все жизни мечтаю стать шофером». Другое письмо требовало: «Обязательно на Камчатку и только в крайнем случае на Сахалин...»

Девушки вели с собой в этот суровый край уют, заботливые руки, веселый смех. И, главное, на стройби Дальнего Востока пришли тысячи умелых работниц.

Сейчас в Комсомольске-на-Амуре к новому Дворцу молодежи ведет аллея, посвященная молодым деревням. Она носит название «Аллея хетагуровки».

Боец Народно-революционной армии Балличев обнимает на берегу Тихого океана.

В конце 1936 года первый поезд прошел по новой железнодорожной линии Воловачево—Комсомольск-на-Амуре.

Валентина Хетагурова выступает на совещании женщин в Хабаровском Доме Красной Армии в феврале 1938 года.

нам будто стал свободным: Новый год проходит радостно у других, в большом старинном доме, где есть «ближние». Потом... потом с наждаком гасим все более тускло горит жизнь, это не яркий огонь, а небольшое пламя свечелюмина, и даже трудно разглядеть, как происходит этот Новый год несколько лет подряд. И если различается чем-нибудь эти унылые годы, так разве только тем, что в последний из них, я был взвращу бедня.

Но вот створки оборвало внешними событиями, для которых семейный гнет оказался легкой паутинкой, и легче от этого. Итан, и где-то далеко, за тысячи верст, на дворе сибирский мороз, а ты, вернувшись с «обязательной» встречи, торопливо пишешь несколько строк, и хочешь излить в них всю горечь души, большой бездешейства...

А все следующий день в буре и неполадку ты осматриваешь окрестности, ходишь по замерзшей безлюдной реке, чуть не обрываешься с обледенелой скалы и с самой то дромью впервые заходишь в тайгу и идешь в этой новой природе «своими ногами и краской».

Еще через год работа и работа, и с удовлетворением чувствуешь, что любовному делу мертвящих не только все свои силы, но не побоясь отдать за него жизнь.

Теперь снова затихает... бывает такая тишина перед грозой, а в ее беззвучии слышатся стоны и рыдания. Неужели там, где раньше все росло, теперь забитая нива, где колосья безмялостью обрывают грубой рукой, и вспоминается песня, где говорится, что лучше погибнуть в неравной борьбе...

Одни дают мало, но они дают все; другие дают много, и они ничего не дают. Кто дал больше?..

Те, кто делает революцию наполнению, лишь руют себе могилу.

В конце января 1920 года власть в Приморье снова принадлежит народу. Сергей Лазо—во главе Военного Совета. Незадолго перед этим в его записной книжке появляются такие строки:

«1 января 1920 года.

В эти напряженные дни подготовки востания, когда приходится работать круглые сутки, вырыва случайные свободные часы для сна, в эти дни не чувствуешь усталости, работа захватывала, иногда даже просто было нано неудобно отдохнуть, когда знаешь, что еще что-то нужно сделать, и кому-то надо сказать. Товарищи по квартире, у которых мы работали, удивлялись такой работоспособности и не раз говорили об этом. Они простые обыватели, привыкшие в определенные часы ложиться и вставать, привывшие и определенным часам работы, не испытываешь, наверное, того подъема тех сил, которые дает работа, подготовка и но мне и в другим с этой обязательной точки зрения. Эти люди твердили мне скучную мораль о восьмичасовом сне и необходимости отдохнуть...

Я не знаю, как лучше передать ощущение этих минут. Я бы сказал, где найден запов, но-

торый говорит, что человек должен спать восемь часов, который отрицает возможность сделать завтра в два раза больше, чем было сделано вчера. Но есть другой закон, много раз подтвержденный жизнью, о том, что в работе и борьбе крепнет и растет человек...»

Силам молодой Республики Советов на пределе. ЦК партии дает указание: всячески избегать конфликтов с японскими империалистами, сделать все, чтобы избежать войны на востоке. Начались переговоры с японским командованием. Однако у японцев другие планы. Во время переговоров, нарушив все международные правила, они начинают военные действия. За несколько часов были уничтожены сотни людей. Захвачен Военный Совет. А через несколько дней японцы сожгли Сергея Лазо и членов Военного Совета Велодола Сибирцева и Алексея Луцкого в паровозной топке.

Незадолго до своей смерти Сергей Лазо заполнил анкету владивостокской организации большевиков. На вопрос, какую часть дня отдаете партийной работе, он ответил: «Все свое время».

Он отдал партию все свое время, погибнув как настоящий коммунист и настоящий герой.

тым членом экипажа БМРТ «Байкал» до того самого дня, когда потрескавшийся ветрам разных шпарт и волнам разных морей «Байкал» снова вернулся в Находку. Зима сменилась весной, и лето будет бегать уже к осени, — на погоду протянется весь морской дорота. Погода — срок немалый и на земле, а чем это пахнет в море, я не знаю. Вспомню, если ядовитое, как наперел, стоит ли тратить на это время? Но все мое размышления на этот счет резюмировал в день отхода старший штурман «Байкала» Анатолий Витковский:

«Все морские дороги тем и хороши, что кончаются на земле».

Осенние листья

Пусть этот потрескавшийся газонник не выводит вас в заблуждение. Он не имеет никакого отношения к осени и тем более к листьям. Действие происходит именно там, где никогда не было листьев, «Осенними листьями» рыбаки называют камбалу.

точный аккомпанемент. В хорошую погоду люди моря, сидят в каюте, беспробочно любуются: идет ли судно с траулной якорю, а по чему замета. Сейчас убедиться в этом можно, лишь выйти на кормовую палубу. Но в такую погоду выходить туда без дела мало охотливо. В штрм все свободные от вахт и работ предостаточно остаются в шлюзе, а тогда, можно «забить косяка» или поспидеть в стеловой команде, где по шестому разу крутят «да ты мору Зулфия!». А можно, исполнив морскую заповедь о том, что от сна не спидеть, и отлучиться, отправивши в свою каюту. Это не последнее дело, если учесть, что работают рыбаки по двенадцати часов в сутки — шесть через шесть... А в кают-компании пожелтение подшивки газет и бесконечные разговоры о рыбе, о том, что еще «в прошлом году рыба на этой балке была, как грибы». О рыбе говорят круглые сутки, потому что это работа. Говорят вслух; в каютах, в столовой, в машине. Не говорят только в рулевой рубке.

Рулевая рубка — сердце рыбацкой. Хотя ее

Порт приписки — Находка

- Пришел Океанца!
  - С моря в штрм. А ты куда?
  - Море шавтра.
  - Ну, пришели...
- (Из разговоров на улице)

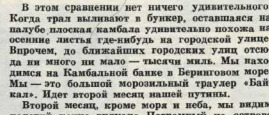
О чем говорят в Москве? О чем говорят в Квебе, Ленинграде, Колотине или Туле? Конечно, мы не ответим на этот вопрос, потому что здесь говорят обо всем. Многообразие интересов определяет человеческое существование.

Большинство городов подобно большинству людей: они заняты тысячами дел и охотно говорят об этом. Но есть люди иного склада — их занимает только то, что составляет их жизнь, их работу. Это профессионалы в высочайшем значении слова. Вот почему люди подобны городам и города подобны людям. И если в Москве говорят обо всем, то в Находке — о море и рыбе. Находка — город-профессионал. Не климат и не природные условия, а именно это качество составляет характерную черту Находки и ее обитателей. Любовь, счастье, жизнь в ее больших и малых проявлениях — все здесь связано с морем и работой.

Как и большинство портовых городов мира, Находка вытянулась вдоль бухты. Открытый соприкасаясь с материковыми ветрами, город открыт всем ветрам с моря. Ветер дует с моря, и этот мост связывает рыбаков с домом. Задать в каждом доме живут рыбаки, и из окон каждого дома матери и жены смотрят в ту сторону, куда ушли и откуда должны вернуться их дети-матри, штурманы, механики, матросы. Но они видят только осеннейю синюю бухту и белоснежные надстройки судов на рейде. Сотни судов под флагами разных стран приносят в Находку свои отцы. Выпестившие чистотой «шасси-жирны», шнеговатые сухогрузы, низкасающие танкеры и суда специального назначения — вся эта разношерстная армада встает на находкинском рейде и отделяется от вытянувшегося по всей бухте причала. Но в окон находкинских домов ждут другие суда. Матери и жены ждут, когда вслед за лодичным катером на рейде появится судно с омблевой рыболовничкой флотилией оранжево-палочной краской красного поля, а на корме под именем судна — порт приписки: Находка.

Как приходят в Находку СРТ и большие морозильные траулеры, тухельники и глабланы. Это самые бескорыстные труженики моря. Они не блещут чистотой «шасси-жирнов» и не отличаются штегельством сухогрузов. Заключенные матчи, разрезанный солью корпус, борты, помояте от частых швартовок в море, — эти ширмы и яны украшают ветерана и вызывают уважение всех, кто хотя бы немного знаком с рыбацкой работой. Они приходят в порт заливачив рым, чтобы снова уйти в море — на полгода, год, иногда и на восемнадцать месяцев.

Мне предстоит уйти в море на одном из таких работ. Мне предстоит быть сто двенадцати

В этом сравнении нет ничего удивительного. Когда траул выключают в бункер, оставшаяся на палубе плоская камбала удивительно похожа на осенние листья где-нибудь на городской улице. Впрочем, до ближайших городских улиц отсюда ни много ни мало — тысяча миль. Мы находимся на Камбальной балке в Беринговом море. Мы — это большой морозильный траулер «Вайкал». Идет третий месяц нашей плавания. Второй месяц, кроме моря и неба, за окном волнолом конуса маяка Погромный на острове Уникам, последнем восточном острове Алеутского гряды. Но заснеженная вершина Погромного, столь знакомая каждому штурману-рыбаку, видна только в ясную погоду. Траулоры на балке работают почти месяц. До Погромного семидесять миль, и сейчас до него едва дотягивается наш лодырь. Мы не видим даже луч десятков судов, которые работают рядом с нами на Камбальной балке. В такую погоду единственное средство общения — судовой РТ. Круглые сутки в рулевой рубке «Вайкала» слышим по радиотелефону голоса судов-соседей. Это продолжительное заочное знакомство имеет уже свои плоды, — по голосам штурманы узнают своих коллег на других судах. Говорят на «ты» и все наперевод ругают погоду. Погода этого стоит.

Должность капитана-облавы в хладногорью. Геннадий Петрович Качкин верст этому правилу даже в самые волнующие моменты — подьем трала.

Вот уже две недели барабают в штурманской рубке старательно вырисовывая «американские горки» — вверх, вниз и снова вверх. Вот уже две недели ватхенный штурман оставляет в судовом журнале однообразные записи: «Ветер 8-9, море 6-7 баллов». Бристольский залив испытывает все на прочность. Клотиковый огонь нашего судна чертит немилосердные зыбляги по черному небу. Ветер налетает скачками, со снегом. Свет ветра и удары зыби по корпусу заглушают звук траловой лебедки. Это наш кругосу-

траловое хозяйство на кормовой палубе. Под нами триста — четыреста метров воды; рыба на дне; ее нужно найти — это главное. Когда нет рыбы, ругают штурмана, и в серьезных случаях на десятки адрес призывали. Прибор прибора, прибор прибор, штурман не вертит... Сейчас вахта третьего штурмана Виктора Иванкова. Он с надеждой смотрит на движущуюся ленту эхолота. Бесстрастный прибор показывает только грунты. Третий штурман идет на вес моря и на весю рыбу Трудовой океана. Лебедка золотая девственно чиста. Но вот, как туман, на белой полосе вырисовывается над грунтом — начал слабо потом все четче — серое облако, которое постепенно сгущается и темнеет. «Есть запись!» Похоже, набрали на косяк. Штурман по локатору засекает ориентиры и выключает в точку замета. Если мы действительно набрали на косяк, то в дальние будем травить тем же курсом, потому что так важно по всем возможным ориентирам засесть точку. Но выйти на рыбу, насколько это — поддела. Штурман должен учесть глубину, характер грунта, а от этого зависит, сколько необходимо вытравить верев и какова должна быть скорость судна во время траления. Только тогда он может дать команду: «Трал за бортом!»

Грунт кучугамыш на железную связь, быстро уходит за борт тридцатидвухметровой мелкой капроновой трала. Команда штурману относительно курса траления. Курс необходимо выдерживать до траула, и периодически менять в зависимости от расположения косяка и характера грунта. Теперь все внимание эхолоту. К экрану приписки ватхенный штурман Иванков, капитан Геннадий Петрович Качкин и траульмейстер Борис Поляков. «Идем по записи!» Траульмейстер переиначив: скальмый грунт глотит понаря трал, поэтому штурману все время приходится корректировать скорость. Все трое сейчас испытывают одно — утом, несбыточное желание: хотя бы на секунду увидеть, что делается в тралее. Проходит время минуты; судно по густоте записей, нора давать команду «Вира траул». Теперь все спидет и коридорку дублей. Отсюда хорошо видно маршево-лобачиков на кормовой палубе. В своих оранжево-лобачиков они похожи на комсомоланов. Шкальный ветер со снегом и яркий свет прожекторов делают картину фантастической. Это здоровая работа, но ветер и скользящая палуба, которая ходит ходуном под ногами, зачастую снимают внешнюю ореол романтизма; работа неуловимо передвигается по направлению к леверу. Но бог с ним с романтизмом, в конце концов это работа, а не фильм из рыбацкой жизни.

Тяжело идет траловая лебедка, метр за метром накручивая на барабак стальные якра.

Остались четьреста метра, триста, двести, сто... Трад ближе, и все напряженнее гулет лебедка. Я вижу, что это в полной мере соответствует напряжению тех, кто сейчас в рубке и на палубе: что в трапе! И смотрю на третьего штурмана, на капитана и трамслестера, — сейчас они похожи на охотников, стоящих на перелете в тот последний момент, когда должен последовать выстрел. Представляю себе, что они и всматриваются сейчас, слыша грохот стальных кухтылей по слуху, и наконец, в тот момент, когда вползает на палубу первые метры тяжелого трапа. Сейчас у всех вырывается вздох облегчения. Конечно, его не услышишь, слышишь свист ветра и грохот лебедки, но, ругаясь, он последовал. Последовал вопль, что в трапе не меньше семидесяти тонн!

Сейчас штурман Иванков, к которому полчасика назад не поступила, — сама добротка. Он еще не знает, что матрос Володя Еськов по всем географическим правилам открылся его открытию «байкальской» штурмана. Шутка штурмана, а третьему штурману действительно повезло. В конче-

ходится ходить по переборкам. За это время я перестал думать, на что похоже море, потому что увидел, что оно похоже только на море. И ни на что больше.

Вспомнил о море и морской работе только весьма рациональные последствия. Его рассказы из морской практики действуют подобно развратителю, nämlich ссылающему все клажные и кинематографические представления в область моря. Уверен, что при просмотре он убедит вас в том, что морская романтика проявляется не «в крепких запахах соленого ветра»; убедит также и в том, что моряки предпочитают жить в одном из предельных пунктов, потому что слишком часто им приходится иметь дело со штурманом. А романтика (если она уже необходима) проявляется в другом: в той повседневной тяжелой и грубой работе, ради которой и выходят в море. К этому же вопросу моего опыта я бы добавил, что эта работа лишена тех чрезмерно ярких красок, в которых ее почтязе изображают пошленные наблюдатели. Во всяком случае, на погода пребывания на «Байкале» взгляды старшмана на этот счет автор имел возможность проверить на собственном опыте и обязан засвидетельствовать, что они полностью совпадают с действительностью.

От Анатолия Витковского и ни разу не слышал sacramentalной фразы о том, что он «жить без моря не может», как не слышал его и от других настоящих моряков. Говорили о трудной — черт бы ее взял! — рыбачьей работе.

— А ты бы взял да бросил эту работу.
— Как «бросил»?
— Пошел бы в торговый флот. Трощики, Сингапур, Гонконг, Гавайи...
— Чудак! А рыбу ловить? Дада?
— Не ведь чертова работа.
— Все окулается тем, что рыбак видит плоды своего труда. Это тебе не баланы юнцы!

Дядя, старшман Витковский мог бы плавать в другом море, в другом городе, в другом месте. Но ни говоря, а виды Неолапа и «бланоно-имонный» Сингапур привлекают не только на открытках, и памятники античности и Древней Греции, но и потому, чтобы жить в море. А на густинных берегах Охотского и Берингова морей стоят памятники тем, кому здесь не повезло. Старшман Витковский предпочитает плавать именно в этом море. Похоже, это на все время. Как-то вернулся на рейс накануне шестидесяти месяцев отпуска; полтора месяца провалялся на песочке в Крыму, говорит, перебрелся; был вылет на самолет, улетел во Владивосток, в морское море. Вспомнил, что в июле Судла по биографии Витковского да и многих других моряков, с которыми мне довелось встретиться на «Байкале», пути к моему неспешному. Скажем, плавая по портовому городу Лорета к морю на руду написана. Старшман Витковский в крестьянской семье; ни в руду, ни в деревне не был никого морского племени. Книга? Все мы читали книги о море, но большинство из нас предпочитает в будущем заниматься земными делами.

Не берусь объяснить, как сложилась судьба нашего рудного Феда Булатова. Это самого Феда Булатова, которого на «Байкале» я встретил в разе «фламандского рудного». Шутка, конечно. Но, как и во всякой шутке, есть в ней доля правды. На этот раз значительная.

В такую погоду, как сейчас, судить о мастерстве рудного мастера бесполезно. Увидеть слышится руду; поставь сейчас на место Булатова штурманского с меньшим опытом и мастерством, и картина громошамки будет вертеться как заведенная. Но, кроме опыта и мастерства, штурманского умения, чутье своего судна и... интуиция. Каким-то шестым чувством Булатов угадывает, какой силы и направления будет следующий удар; он переиспытывает руду с помощью своего градусуса и приводит судно на заданный курс. В такую погоду можно увидеть, чего стоит настоящий штурманский.

А всякое это вроде бы случалось. Парню из баллажа судна неслучайно пришлось в Приморье. Род его армянской службы был так же, что о морской и рыбачьей жизни он знал только из газет да по рассказам коренных приморцев. Не так уж много. Но человеку, начинающему свое знакомство с этой работой, не приходится точно, чтобы еще с восемью товарищами из части написать письмо в Управление активного морского рыболовства с просьбой по истечении срока судна направить их курсом на рыболовство суда. Случилось так, что все делал

демонизированный робот впервые хлестнул моря, когда на транспортном судне шлепнул в Находку. Как и водится в дальневосточных морях, по пути прихватила штурман. Булатов вспоминает, что не больше семи баллов. Уточаю с опережением: «вот, девятнадцать. Морской боления окривела, но в конечном счете, но в конечном счете болелье имела различные «осложнения». Пятерьо из девяти навсегда распростились с морем и, достигнув до Находки, отпрянулись не в УАМР, а на железнодорожном вокзале. Остались четверо. Среди них Феда Булатов...

Гитара

Если вы думаете, что привычные и долги отлучка рыбаки не тоскуют по дому, то вы глубоко заблуждаетесь. Тоскуют. Только говорить об этом по неписанному морскому закону не принято. Приколота к переборке фотографии жены и сына; посмотрит он на нее — вот и вся видная тоска...

Сейчас мы так далеко от дома, что на Земле дальнее не бывает; разница во времени с Москвой самая большая — двенадцать часов. Работает в чужом полушарии, на другой стороне планеты. Но слышим четвертое радио, которое как звучит женский голос... Ноча. Вахта второго штурмана — от кула да отсыреть, вахта, которую на всех флотах называют неблагозвучным именем «субота». По-прежнему штурман; по-прежнему «матросские» часы, за которыми мы мыслимые ангилы по черному небу; по-прежнему тралям и по радиотелескопу переговоров; все с судами-соседями. А разговор обычный, рабочий, что подлива, завязку, тралить? Газговор, которому ни конца и которого ни один месяц путиным у всех в влуха навля... В эту ночь у нас судно одномоментно случилось событие, не зафиксированное ни в одном судовом журнале.

В ранговолотой хор мужских голосов в эфире, голосов с хрипотой, толкующих о рыбе и вахрах, ворвался чистый женский голос — синтопия с какой-то плавнью. Это было так же неожиданно, как если бы в нашей рубке появилась Софи Лорен.

Синтопия передала свою волю, и тогда со всех судов посыпалась в эфир голубка: — Синтопия! Синтопия! повторите — не слышали!

А слышимому — лучше не бывает.

— Повторите погоду, заблуждаю!

— Ну, красавица, слыжи еще что-нибудь!

— Синтопия! синтопия, повторите сполучку!

Но синтопия, видно, надоеда эта игра. Она уходит из эфире. Но ребаг теперь не останивше. Повеселели голоса. Куд-то ушло тоскливое настроение штурманской иччи. Чувствовалось, что нужен финал этому неожиданному импровизированному спектаклю. И финал был, необычный: по ГТ на рабочей волне ударил завуалированный гитарный Синтопия слышим был личический заряд, данный неизвестным синтопиком, не выдержала чья-то душа, и поднялся «Подмосковные вечера» в штурманскую ночь над Тихим океаном, на другой стороне планеты. Смогла гитарист, а в эфире пролетел как-то непозвоженный на рыбачьий, матиант голосом:

— Слыши, корешок, слырай еше!... Парня в просить не надо; у самого дуна на руду раете, а гитарист гитарист как будто долом валушка, родным берегом. Заталя дышана

ВОЛНА

ном счете повезло всем нам. Две недели таких трагедий — и можно идти на перегруз...
Тяжело переживаете в буксир треснувшую байка. Матросы в оранжевых рубах по коленки не узнают в этой жинкой масе. Рыба рстается ся по морской палубе, напомним осенние листья гд-нубильно на городской улочке...

А над Тихим океаном летит снег.

Старшман Витковский и другие

— На что похоже море? (Из вопросов детей)

Мне понравилась рожденная рыбаками просто и точно сравнение камбалы с осенними листьями и как-то незаметно настроило на поэтический лад. И стал искать сравнения вендам, повседневно окружающим рыбаков. И, конечно, прежде всего море. Но с поэтического лада меня сбав старшман Анатолий Витковский. Ему

тридцать лет, но он уже несколько лет ходил капитаном на средних рыболовных траулерах, теперь старшим штурманом на БМРТ. Побывал на всех наших морях, кроме Каспийского. Рыбак со стажем, опытом — не сказать бы — с удачей. Ум онто знает, на что похоже море! — В мореходе я думал, как нам брат журналист: «море похоже на колдуньиные сония», или на «розы под ветром», или на горы, или еще на что-нибудь! В этом роде. Прочту прошение в всех твоих колледж, но чинь все это, ядн, как у вас говорят, плохое знание темы. Я смотрю на море много лет; видел море и днем, и ночью, и в солнце, и в туман, видел, когда оно спокойное и когда судно клалет так, что при-

слушают на всех судах. Слушают, пока не раздается в эфире знакомый всем голос начальника экспедиции:

— А ну превратить концерт на рабочей волне! Вот и узнаю, как это работает!

А как узнать? На судах БМРТ нет коротковолнового радиопередатчика, и это спасает неизвестного гитариста. А то бы ходить парно без приемных. И потом общественное мнение protest:

— Ладно, ничего, играй, друг, играй!..

Но ведь и у начальника экспедиции сердце не камень. Смигнулся старик, и голос потеплел:

— Как дети, ей-богу. Давайте, ребята, побыстрей кончайте. На работе все-таки...

И опять поет гитара над Тихим океаном в штурмовую ночь, в чужом полушарии. Сегодня, вернувшись в каюту, кто-нибудь дольше обычного будет смотреть на фотографию, приколотую к переборке... До чего ж долго тянутся последние дни!

Цветы на пирсе

Сегодня радостно принял радиogramму, самую радостную за всю путину: «Сниматься из района лова. Словозавт в Находку».

В столовой команды вывешена карта Тихого океана. У американского берега красный флажок. Это наш «Байкал». Домой пойдешь «по дуге большого круга». Наш путь рассчитан точно: учли все, даже то, что за полгода в морях наш трудяга «Байкал» оброс «бородой» и больше десяти узлов не даст. Сорок миль за вахту и двести сорок за сутки. Двадцать суток перехода. Будем считать дни, а потом и часы.

Переход — сезон боцмана. Устоявшийся азнах рыбы перебивает запах свежей краски. Красят все, что можно покрасить. Домой мы должны прийти красными. Это желание настолько сильно, что красят все, во главе с капитаном. Сейчас боцман — главная фигура. Все занескавказное прост «красочни». Красна у нас дефинит. Если на каком-нибудь перегруженном боцман сумеет перехалтуть — в долг! — банку-другую, цены нет такому боцману. Наш смог. Саша Заец, наш боцман, кубанский казак с чуткими кулаками, ходит по судну, как забойный мажаша, злобно спрашивая свое дитя. Что на говори, а внешний вид парохода — честь мундира боцмана...

Красный флажок на карте Тихого океана молчком, но жарко движется по дуге, приближаясь к родному берегу. День за днем судовые часы переводятся на час назад. Лаг раскручивает последние тысячу миль. На семнадцатые сутки увидели берега Японии — считай, что дома. Выходим в пролив Лаперуза. Счет пошел на часы. Напряжение достигает апогея.

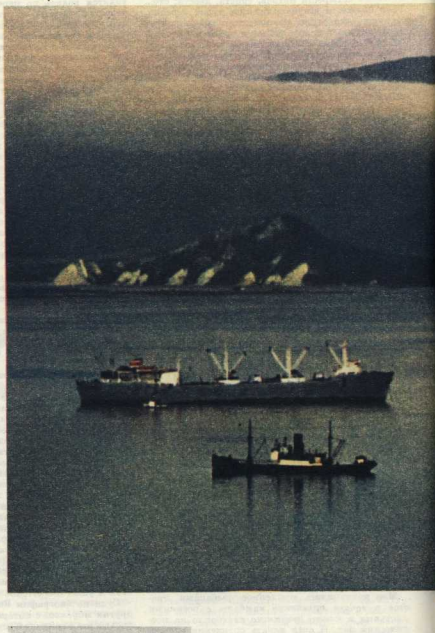
В последние сутки наш «Байкал» похож на костюмовую Большого театра перед премьерой. Уголки нарастают: хочешь поглядеть — записывайся в очередь. Очередь и «парикмахера». Гуляли идет, как мороженое в жаркий день. Ребята меняются на глазах. Прифрантились в белоокеанских рубашках, начлившись, наглаженными воспринимают Поворотный, как подлежащий в Москве москвич — шильд университета.

На внешнем рейде нас встречает лодкинский катер. Он пеголоско шаркает на нас, лодкимань поднимается в рубку и ведет нас к причалу.

Причал виден издаലെка. Его нельзя не увидеть, потому что сейчас он цветет всеми цветами, которые придумала природа и текстильная промышленность. Полгода мы не видели таких ярких красок, какими встретили нас причал в Находке. Женщины с рубликами на руках мнуты швартовки касаются диванов, тут, там, дальнейшая полгода. Как, впрочем, и тем, кто на борту. И все-таки это последние минуты. Сейчас отцы возмуть на руки рублики и бережно и гордо, как флаги, понесут их по улицам Находки.

И опять прав оказался наш старик:

— Только морик может до конца ощутить такую радость, как пройтись по земле...

Рассказывает
начальник Управления
рыбной промышленности
Дальнего Востока
М. И. ДРОЗДОВ

аше Приморье — это край подлинной красоты, край, который не могут не любить мужественные люди. А какие перспективы открываются перед молодыми! Они стоят у нас на многих ответственных постах. Капитан-директору плавучего рыбокомбинатного завода Павел Постышев А. Козлову едва за тридцать, капитан-директор «Печениги» Н. Голубиной — 1938 года рождения, капитан-директор городской тушловольной базы «Светлый луч» В. Чернов — 1934-го. Еще помню отличного капитан-директора «Славянск» А. Лаврова. Ему тоже чуть-чуть за тридцать. А капитан-директор — это уж, поверьте мне, звание большое, оно требует не только знаний и искусства, но и умения руководить огромным кол-

лективом. У нас в начинающих не занижаются, мы с полным доверием даем дорогу способной молодежи. Это о моржах. Но разве может быть морж без моря? А море наше, океан наш Тихий не зря зовется еще и Великим. Я бы назвал его, кроме того, Богатым. Для сравнения можно указать, что по количеству видов рыб моря Тихого океана богаче Беринцева и Черного морей в 4 раза, Белого — в 10 раз, Балтийского — в 30 раз.

Бурный рост флота позволил дальневосточным рыбкам не только освоить в короткое время многие новые районы океанического рыболовства, но и внедрить в производство самые различные орудия лова, прогрессивные методы и способы добычи. Назову основные: глубоководное траление, близнецовый лов тра-

Владивосток. Вечер на рейде.

Теперь киты на месте.

С улова.

Приморье любит отвалжик.

ЛОУЖИ И МОРЕ

ланн, лос сайры на элэктрический свет, коллективная охота на китов и многое другое.

Свыше 700 видов разнообразной продукции получается при переработке рыбы и морепродуктов Тихого океана, начиная от всемирно известных красной икры и лососевых балыков и кончая витамином А, йодом, искусственным перламутром и жемчугом, изделиями из зубов кашалотов и т. д.

Наши экспедиции работают на широкой акватории — от северных морей Тихого океана до суровых краевущих широт Антарктики, от Аляскинского и Калифорнийского заливов до субтропических вод Африки и Австралии.

Пятилетнему плану развития народного хозяйства страны к 1970 году общий вылов рыбы и продук-

тов моря на Дальнем Востоке будет доведен до 30,7 миллиона центнеров — следовательно, ежегодный прирост должен составлять примерно около 2 миллионов центнеров. Такого среднегодового прироста не знает ни одна страна мира. Однако значительный уровень добычи рыбы и продуктов моря не исчерпывает богатых сырьевых возможностей. Нужно значительно увеличить долю Советского Союза в использовании природных ресурсов морей Тихого океана. Для достижения этой цели необходимо увеличить флот, внедрить новые оборудование и более совершенную рыболовную технику, использовать новые формы организации труда.

Дальневосточная рыбная промышленность оснащена первоклассной добывающей флотилией больших мо-

розильных рыболовных траулеров (БМРТ). Их насчитывается сейчас более полусотни, а к 1970 году количество БМРТ увеличится до 122 единиц. Это первоклассные корабельные фабрики, оснащенные наиболее совершенными навигационными приборами и поисковой аппаратурой для промысла рыб, отличным промышленным оборудованием, всеми необходимыми условиями для нормальной жизни, труда, отдыха, учебы.

Наш флот располагает крупными обрабатывающими судами. Это производственные рефрижераторы, крупные сельдяные плавабазы с искусственным охлаждением трюмов, плавучие краберибконсервные заводы. Дальний Восток является основной сырьевой базой краберибконсервной и сардовой промышленности и основным районом китобойно-

го промысла, где базируются китобойные флотилии «Советская Россия», «Алуту», «Владивосток», «Дальний Восток».

Рыбная промышленность Дальнего Востока в этом пятилетии пополнится 600 большими промышленными рыбообрабатывающими базами — большими морозильными траулерами, рыболовными траулерами типа «Атлантик», СРМ, туцеловыми, большими и малыми сейнерами.

Особой проблемой стала отгрузка рыбной продукции. Рыбные порты во Владивостоке и Находке не успевают перерабатывать поток рыбы. Это ставит на очередь для строительства нового мощного порта в Приморье. Видите, сколько у нас работы! Так кому же, как не молодым, ехать на Дальний, туда, где дел непочатый край.

ЖИЗНЬ В ОБИТАХ КОМСОМОЛЬСКИХ ДОРОГ

В кабинете у секретаря комитета комсомола стройки Комсомольского целлюлозно-картонного комбината — молодая девушка, голубоглазая, с косичками...

— А лет сколько?

— Девятнадцать!

— А ты не боишься, что не справишься? Вот я-то, честно говоря, побаиваюсь за тебя.

— А чего же страшного? Помните фильм «Золотой шеврон»? Так там парень (ему тоже 19 было) у белых девушек с золотом отбил.

— Ну что ж, у нас шепсона с золотом нет, чтобы тебя провратить. Но раз уверена в себе, действуй, комсорг. Посмотри.

— Это говорит Виктор Курлович, член ЦК ВЛКСМ, секретарь комитета комсомола Всесоюзной комсомольской ударной стройки в Амурске.

— Убежден, отличный комсоргом будешь, — говорит Виктор. — Здесь, на стройке, меняются представления о возможности людей. Я знаю многих ребят, которые в 19 лет проявили себя отличными организаторами...

Вот мы говорим о коммунизме, — продолжает Виктор. — Это чуждое каждому. Но иногда задумываешься. Странн мы комбинат, поглощенные практическими делами, а о высоком идеале не забываем ли? Думаю, что большинство не забывает. Каждый, кто приходит на комбинат, знает, что он строит, понимает, что значит для страны дальневосточная целлюлоза. И уверяю вас, что масштабы нашей стройки — комбинат-то крупнейший, таких нет, — совмещают труд — это все застывает и мыслить маш-

табно, видеть все в перспективе, видеть высокую цель.

Вот сейчас наши дальневосточные геологи открыли уникальные залежи брусита. И принято решение: ориентировать в самое ближайшее время работу комбината на брусит (по проекту он должен был работать на кальциевом сырье).

Брусит — это чудо-минерал, содержащий магний. В 1965 году было открыто Кульдурское месторождение, вскоре Хинганское. На земном шаре известно всего два крупных промышленных месторождения брусита — в Канаде и в Америке. Правда, и у нас, в Средней Азии, есть небольшие залежки. Там содержание магния 15—20 процентов, а здесь, на Дальнем Востоке, совершенно уникальное сырье. От 40 до 98 процентов чистого магния!

Перевод комбината на это сырье позволит варить целлюлозу быстрее, более высокого качества, значительно снизит материальные затраты. Подсчитано, что только на первой очереди комбината с переходом на брусит экономится около 5 миллионов рублей в год! Работники комбината ведут сейчас большую работу по отработке новых технологических режимов. И каждый успех или неудача в этом деле задвигает за живое все. Ведь большинство строителей останется здесь, будет работать на комбинате.

...Тутся в этом году комбинат, и Амурск станет официально называться городом. Но ведь Амурск, по сути, уже сейчас город — радостный, молодой, энергичный. Меня здесь поразило одно соотношение. В городе 20 тысяч жителей и полторы

тысячи лодок. Это значит, что почти все жители города — задние рыбаки. А в январе здесь поют. Не знаю, может быть, мне повезло, но каждый раз, когда я выходил вечером на улицу, я слышал, как поют задние парни и девушки. Чисто-чисто, на несколько голосов... Сложные современные мелодии и старинные русские песни.

Растет Амурск, растут его светлые кварталы в синезеленой оправе сопки. И уже разыгрывается первенство города по футболу. Как играют местные команды? Пока хуже, чем в Москве или Киеве. Я сижу вместе с остальными зрителями на небольшой сопочке рядом со стадионом. Два парнишка с серьезными лицами начинают «занюхать» лет пятидесяти.

— Да нет, разве вы понимаете в современном футболе...
— А как же! — волнуясь, отвечает тот. — Я же видел, я знаю. А на этих игроках мне просто приятно смотреть. Я был на Украине и видел по телевизору чемпионат мира. И этого видел, Пеле. Бейте!

— Что ж, и догнать его нельзя?
— Та нет, можно... Но он как гипноз!

— А у нас уж совсем и игроков нет?

— А у нас Яшин. Ему уже сорок лет, но его все зеленая. У него прищипан такой язык. На то птичка, на то ласточка. Вертается — и смертельно!

— ...а наших они ковали, но и наши тоже! У нас этот был... Старостин! Нь... Стрельцов! Численко! Вот играют!

Даваясь от смеха, ребята отошли в

сторону. Я подошел к ним, мы разговорились, и я спросил, где они работают.

— На комбинате. Заработок! В среднем 200 рублей. Жить можно! Да, наверное, мы действительно неплохо живем и работаем, судя по твоему отличному настроению и развеселому диалогу со спортивным специалистом.

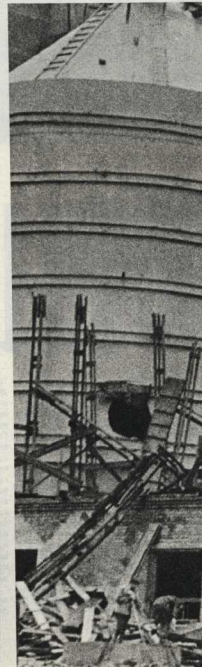
— Вечером я снова зашел к Курловичу. Я знал, что Виктор Курлович был секретарем комитета комсомола еще в Солнечном (ныне Горный) — первым поселке геологов, который возник, когда здесь было открыто Комсомольское оловорудное месторождение. Поэтому у меня на языке вертелся вопрос:

— Послушай, Виктор, а как же Солнечный, или теперь это ушло от тебя, стало далеким прошлым?

— Нет, это не забывается, — отвечает он. — Солнечный — это как первая любовь... Когда я туда приехал, там почти ничего не было. Два общежития строились, и несколько дружественных домов. Жили в палатках за речкой Силинкой.

Помню, собрались мы, комсомольцы, и решили стадион строить. По плану, по триста человек выходили на воскресники. Лес «Дружбам» валил, хвойной пахнет, глаза блестят... Такой накал! Девчата-студентки помогали нам фундамент закладывать. Зимнее время, нельзя было экскаватором брать. Долбили так.

А в феврале устроили мы празд-

Вот они, строители Комсомольского целлюлозно-картонного комбината!

...Как парусный флот, палаточный горой плывет.

ник русской зимы. Лошади у нас были. Так они перед праздником, например, надели на работала, мы их харили, чистили, лямками украшали. Ну и, конечно, Дед Мороз, Снегурочка.

Денги нужны — так мы с концертами ездили на Перевальний, в другие поселки. Билеты — по 20 копек. И вот праздник!

Кюски, домашки размазанные, блины горячие на улице, горы ледяные. Бульдозеры расчищали улицы, а снег мы еловые ветки зтыкали. Тройки летят, веси... Футбол на снегу — вот зрелище!

Общее дело, общие интересы, азарт — вот что воспитывает. А ведь главное дело комсомола — воспитание. Я уверен, что ребята, строившие Солнечный, сразу нашли бы общий язык со строителями Комсомольска, с ударниками первых пятилеток. Комсомол не стареет.

А мне Солнечный захлонул на всю жизнь дал. Дал критерии и для теперешней мой работы. Чем мы сейчас занимаемся здесь, в Амурске, на стройке комсомольского комбината? Соревнование среди комсомольско-молодежных бригад, хозяйство, экономия, трудовая дисциплина — все это наше, комсомольское дело. Но мы, решив это, преследуем главную цель — воспитание. Тогда-то и идет работа. Уж в бригаде-то все знают всех скрытых филонов, всех,

кто работает неважно. А комсомол должен разжечь ребят, чувство делового соперничества развить. Это-то и влияет на производство, а не какие-то отвлеченные вещи. Люди на стройке меняются прямо на глазах. Вот Рая Цыганова. Она на стройку пришла в 15 лет. Дома условия очень тяжелые. Со слезами упрашивала взять на работу. Взяли, вечерами училась, окончила восьмилетку, целлюлозно-бумажный техникум. Сейчас — депутат районного Совета.

Солнечный... Было бы время, махнул бы туда со старыми друзьями повидаться, с геологами. Сейчас, пожалуй, интереснее всего на Перевалье. Вам туда просто необходимо поехать. Без геологов вы не почувствуете, что такое Дальний Восток...

***

Шофер никак не мог включить первую передачу. Наконец техника сработала. «Газики» стал на задние лапы и по так называемой дороге попола в сопки. Через сорок минут мы были в Перевальном. Здесь ведется детальная разведка одного из крупнейших месторождений олова. Меня познакомили с главным инженером партии Владимиром Питерским. Вечером мы сидели во дворе около его однокомнатного бревенчатого домика. Над нами был черный прямоугольник неба, ограниченный

сопками. А на дно прямоугольника скатилось множество ярчайших звезд.

И здесь я узнал, что главному инженеру всего 25 лет, и что с 15 лет до окончания института (в 1965 году) он жил в Москве, и что пляшет он с редкостным темпераментом...

— Я раз в клуб сбежал, а мне потом говорят: «Неудобно, все-таки главный инженер». Было это на Февральском. Я вечер готовил, а плясать и не думал, сапоги красивые, правда, были. Собрал всех ветеранов, орденосносцев, посадил в президиум. Сделал доклад, сам чуть не заплакал. Вот люди, которые Родину не дали растоптать. Ветераны выступали, и все сидели два часа, и никаких перевертов. А потом концерт. Я стихи прочитал — и что ты думаешь! — из зала кричат: «Пусть Питерский спляшет!» «Что ж — говорю — будете ждать — спляшу!»

Побежал домой за сапогами. Жаль, хорошего баяниста не было, а тот, что был, играл медленно. Скопался это дело, а страшно рассердился, а Бакулин меня подзывает и, зная, так спокойничко говорит: «Далеко пойдешь, Возник. Ну, все грюнуги!»

Юрий Бакулин сидит на корточках и чистит картошку. В 1964 году за участие в разработке геолого-экономической характеристики Комсомольского рудного района главной группой Юрия Бакулин вместе с

группой специалистов был удостоен Ленинской премии...

— Ука должна в горячем виде клиенте пельцы, — говорит Бакулин, — Сначала берешь форельку, завариваешь в марлячке, потом хариуса, потом головы гольцов, а уж потом леноч. Двенадцать минут повараю — и уха.

Потом Бакулин мягко ходит по комнате и качает на руках годовалую дочку Питерского Маринку.

— Есть на Волге село Марки. Там я и родился. Газинкум кончал а Саратове, а институт — только в прошлом году, в Иркутске. А Волга, что ж Волга, Амур не хуже. Столько рыб, единственных в стране. Калуга, амур, верхогляд, желтощек. Их больше нигде нет.

— И даже отдыхать на Волгу не ездител.

— Мой любимый край — Сихотэ-Алинь... Вертолет в горы забросит, а там бат выдолбит и по рекам спускаюсь. По Хунгари, по Аниоу...

— Ух ты, барин. Ты летшю ходи, — подзадоривает его Питерский.

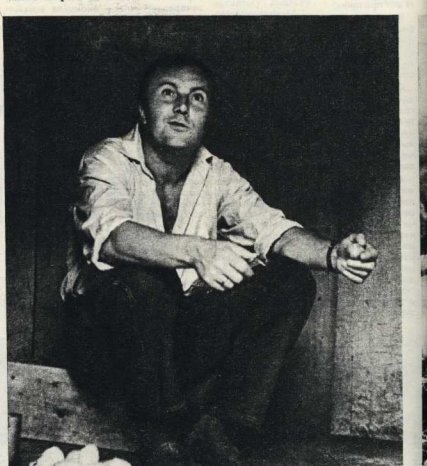
— Это здесь пешком, а там на лодочке.

У Бакулина плечи покатые, как у грузинка, голос негромкий, а движения незаметные.

— Он меня часто подзадорит, — смеется Питерский. — У нас тогда на столбце сражения бываюет. Но с ним надо осторожно. Главное, а руки не попадет: не вырвешис. Медведь.

Юрий Бакулин — главный геолог, главный рыбак и самый неозлужимый человек в Перевальном.

...Сейчас это все далеко-далеко от меня. Как говорится, за морями, за долами. В последний день ко мне зашел Питерский.

— Есть машина, подробит до трассы, а там автобус до Комсомольска.

А там «Иди-2» до Хабаровска, а там — «ТУ-114» до Москвы. И только в ушах еще звучит песня, которую пели там, в Перевальном: «Каюрат погоняет собак, как тысячу лет назад...»

— Послушай, — говорит Питерский. — Я ведь кончал геологизащедный, лучше наших песен не бывает.

Он напевает: «За мной прилетит самолет, за ним прилетит самолет, то только чтобы забросить куда-нибудь подальше...»

— Почему вы стали геологом? — А хотелось работать где-нибудь подальше. Вот садима в 69-м месторождение, и еду на Сихотэ-Алинь, что ли, — говорит Бакулин, — там тоже олово, и все только начинается...

— Меня оставили в Москве в аспирантуре (это Питерский), я подумал: не работал ведь еще практически, да и тема неинтересная. Приехал и попросил: «Шуруйте меня куда-нибудь подальше...»

Тогда Питерский разбуздил нас в 6 утра. Поехали. Лошади идут по тропе, по которой в последний раз кто-то прошел два-три поколения назад. Табик, станик, завали... Когда-то я брал интервью у знаменитого жокея Николая Насибова, но увы, это мне не помогает. И когда былого ядуть мне тогда, ни с чего, не хочется смеяться, я мгновенно оказываюсь у нее на ушах... А впереди неозлужимо покачивается в седле Питерский с ружьем за плечом... — Сикотри, рыбак, а это бурдючок... А это бумажка-летзяга!

Наконец приехал, бесшумный ледяной ключ, красивые скалестые бурдючки. Из словотворчества Питерского мгновенно сместился постели. Мой черный верб спокойно пощипывает траву, а я думаю, что все же есть в жизни счастье, и слушаю Питерского!

Знаешь, если бы не было геологин, стал бы археологом. В деревню приехали, а матери на родину, в Ярославскую область, поехали на старую машину. А лес глухой-глухой. Там когда-то городок был, его татары сожгли. Чувство возникает такое... Смотришь, ров вроде бы и не ров, а даже ковырялся чьим-то лопатом. Вообще-то этого без разрешения делать нельзя... Я Шмидта и Шамполюнова взлябх читаю.

Сейчас это все перепуталось, смешалось, и когда я закрыю глаза, появляюсь сразу возникнут камни, уступами карабкающиеся вверх, обветренное лицо Питерского.

В восемь утра Питерский в конторе. Буравом, шпатель, трактор, мастерские — вот его хозяйство.

Питерского считают одним из талантливейших специалистов-буровиков. Но сам он никогда не употребляет таких слов, как «тавлить», «инициация». «Главное — характер», — говорит он. И этому верен. Он невысокий, но очень силен физически. Таксицик гоним перестройку разряда. Говорит медленнее, негромко, чуть наклоняя вперед голову.

— Я родом из Мурманска. Отец — капитан второго ранга. Во время войны служил на Северном флоте, командовал подводной лодкой. Двенадцать транспортов отправил на дно.

В детстве все мечтал стать моряком, и я тоже заматывал страшные скандалы. Но отец это дело пресек и сказал: «Иди в геологию, я сам мечтал об этом всю жизнь, да вот не получилось».

Есть популярная геологическая песня, в которой поется: «А я еду, а я еду за туманом, за мечтами и за запахом тайги...» А вот Питерский, Бакулин приехали сюда не за туманами. Они приехали за настоящей работой.

— Здесь у нас глубины до 800 метров, — рассказывает Питерский, — разрезы плотны, невидящие по геологическому характеру, ну и скважины глуют... Интересно.

Здесь дело. А в работе человек всегда себя найдет и на место встанет. Я здесь определялся. Чувствую себя увереннее. Да и для семейной жизни это лучше. Моя жена тоже геолог. Много работ — значит, спорить никогда. Одна любовь. Если настает теоретика, есть, но лучше совсем друга. Искривления вот меня трогают...

Здесь я хочу пояснить, что значит эти самые искривления. Рудное тело имеет в Перевальном почти вертикальное падение. Бурение наклонное.

Питерский и его товарищи впервые применили в этих условиях новые виды бурения. Суть в том, что с помощью специального приспособления — съёмного клина — можно менять угол искривления скважины. Обтупили ствол перфорации рудное тело в нужной точке, а затем устанавливали клин и идут в другую точку, но уже не с нуля, а скажем, с трехсот метров. Экономия — эти самые триста метров проходили.

Бурение, да еще с клинами, — дело сложное. Как бурить — шарошечным, с дробью, когда применяют лезвие вращение, когда переходят на вращение бурения. И еще десятки крупных и мелких хитростей. И потому дома у главного инженера день и ночь звонит телефон...

— А визну, у подножья сопки, заросли малины. Годом небольшие, теплые и сладкие. А по склону идет дорога, по которой не проедет ни «Москвич», ни «Волга».

Рачение было тяжелее. Зимой дорога завалена снегом. Спрыгиваем с грузовика, барахтаемся в снегу, утапливаем, потом машина идет дальше. А сейчас здесь все изменилось. Сейчас в прекрасно знаю, что где случится. Особенно не раздумываю. Это плохо. Вот в Амурской области железу нашли. Думаю, не податься ли туда. Мне очень не сидится на одном месте.

Об этом же мне потом говорил Бакулин:

— Да, дорог не было. Ходили тракторы один. Бурим первую скважину. Но особенно запомнил короткую — она сразу вошла в руду. Видел керн بها 98 процентов. Сколько прошли, столько и керн. И да, была доказана. Раньше я сплю не сплю, сам не пойму, и вдруг ба — решение. А сей-

час уже больше трех лет я засыпаю как выдры буря. Суть в том, что создаются песни о геологах, они идут день за днем, день за днем.

Вот и сейчас, наверное, Бакулин ходит пологородный ушел в горы.

— Мы работали с Бакулиным на Сахалине, — рассказывал мне начальник геологического отдела Дальневосточного геологического управления Герман Усанов. — Мы шли в тежелый, длительный маршрут. И вместо масла брали сало, желтое (это я шлюе было), чтобы лишней грузу — мы ничего не нашли. А работа была на редкость трудная. Тогда я и понял, что на Юру Бакулина можно положить.

Тогда геолог очень односторонний. Тага земляно-завязная другая катуно-нибуа доживающую своей век кобылу. А ведь перед глазами у всех вроде бы одно и то же. Надо уметь оценить, что увидать. А вообще пришел, увидел, побоялся так не бывает. И еще у геолога должна быть определенная доля величия...

— А мы уже открыли Перевальное!

Если б я один открывал, мне бы ничего не стоило расказать. А у нас здесь большой коллектив работало... И до нас с 59-го года партии разведку вели. Так вот, первоначально данные показывали, что рудное тело всего длиной в 200 метров, а я почувствовал, что оно на глубине тянется. По типу магматических порфиритов, по их отдельным чертам, особенно, по сопутствующим элементам. И действительно, оказалось, что месторождение тянется на 2 тысячи километров на значительную глубину.

Геолог должен оценить десятки различных признаков. Значение каждого признака варьируется. Нельзя отдать предпочтение одному или другому. Геолог-то, конечно, знает, чувствует интуитивно, но надо доказать. Чтобы коллективно все это оценить, мы привлекаем математический аппарат, предлагаем систему измерения всех признаков. Я и дипломную работу такую делал: «Комплексная интерпретация результатов поисков». Мне ее рекомендовали доработать для кандидатской диссертации.

— Я трясусь в грузовике до трассы и все еще слышу голос Бакулина: «...А я ему говорю, что ловил харьку на телевизор (это стеклинский выкип танка, без дна), а он удивляется: «Как же это?» «Да вот, — говорю. — Приносишь телевизор, включишь от батареек и, как только ловится изображение, рыба идет наловом». «Надо же, — говорит, — я знаю, что нерпу на гармошку ловят, а вот про телевизор не слышал...»

Солнечный. Еще четыре
этажа счастья...

Чай по рецепту главно-
го инженера Владимира
Питерского.

Через час-другой — Комсомольск... Я думаю: что же это такое — комсомольские традиции? Идет время, и все меняется. Что же остается? Наверное, характер. Питерский говорит об этом всерьез: «Главное — характер. Бакулины, как всегда, подменяется: «Не можешь — научим». И я думаю, что они, в сотни километров от Комсомольска открывающие оловянное чудо, сами живое воплощение этих вот комсомольских традиций.

В разговоре с Питерским и Бакулиным я повторил тот вопрос, который задавал себе Виктор Курлович: «Не забывают ли они за практическими делами о высоком идеале?»

— Мы работаем ведь не ради самого процесса работы, — говорит Питерский. — Я никогда не пытался это формулировать, но где-то внутри всегда есть ощущение, что ты, твою работу нужны стране. Поэтому-то я и чувствую, что я, Питерский, существую.

— Через год наше месторождение будет одним из крупнейших в стране, — говорит Бакулины. — Много это или мало для достижения высокой цели? По-моему, нормально.

В 25 — главный инженер, в 26 — лауреат Ленинской премии. Это ведь все не свалилось на них с неба. Это награда за их характер, знания, за их энергию. И, пожалуй, прав Виктор Курлович: такие ребята сразу же нашли общий язык с ударниками первых пятилеток. Да, эти ребята продолжают дело легендарных парней и девушек, построивших Комсомольск.

ПАРТ ИЗНА ЧУЖИ

Скоро на экраны страны выйдет историко-приключенческий фильм «Пароль не нужен», посвященный 50-летию Великого Октября. В картине рассказывается об освобождении Дальнего Востока от белогвардейцами и интервентов. Мы попросили автора сценария писателя Ю. Семенова рассказать о том, как шла работа над этим фильмом.

В роли чехиста Владимирова-Исаева артист Р. Нахлетов.

В конце июля 1921 года, через два месяца после того, как во Владивостоке при поддержке интервентов произошел контрреволюционный переворот во главе с братьями Спиридоном и Николаем Меркуловыми, в наиболее скандальной владивостокской газете, по слухам, очень близкой к правительству, завсегдатей ресторанов, силен и приемов в иностранных миссиях. Человек этот величаво говорил по-английски и по-французски, был очень остер на язык, хорошо образован и обладал яростной журналистской хваткой: сенсацию он чувствовал за версту, и его лобкались даже журналисты из американской газеты, а те были истинными зубрами сенсации. Этому человеку было лет 25—30.

Он за неделю-две три месяца подружился и с японскими офицерами оккупационных войск, и с американцами из дипломатического корпуса, и с помощником премьер-министра.

Об этом молодом человеке мне рассказывали в 1963 году три полных мужчины. Каждый из них знал этого человека под разными именами. Для прототипа у него было одно имя, для знакомого — другое, а для его товарища в борьбе — выше поименого писателя Романа Кима — третье. Точное его имя мне так и не удалось установить, я знаю только, что в 1922 году, когда воюешь под командованием И. П. Уборевича освобождать Владивосток, он появился в театре, где давали «Борьба Голубова» в военной форме Красной Армии. Тем, кто читал мой роман «Пароль не нужен», этот герой знаком как чехист Максим Максимович Исаев (или Всеволод Владимиров). Очень хочется верить, что,

Главоком В. К. Блюкер и комиссар фронта П. П. Постышев. Их роли исполняют артисты Н. Губенко и М. Федоров.

Советский разведчик Чен (артист В. Лавриков).

Впервые между боями. Агитстакталь «Борьба с тифом».

после того как наш фильм, поставленный на киностудии имени А. М. Горького, выйдет на экраны, кто-нибудь из ветеранов революционного подполья найдет нам в съемочную группу что-либо об этом человеке, подвиг которого нам известен, а вот подлинное имя — нет.

Товарищ Исаева по борьбе, чехист Марьянис, он же Чен, списан мною во многом с замечательного человека, хорошего писателя и му-

...иственного борца за революцию Романа Николаевича Кима. Неделю, работавший во Владивостоле всю оккупацию, человек, днем поощрявший университет, а по ночам выполнявший головоломные операции против белых. Романа Кима еще засматривают многих страны в книгах и многих шетров в новых фильмах, которые будут сниматься о подвигах солдат революции, сражающихся на самых передовых рубежах классовых битв.

Особенно дороги мне образы двух большевиков-ленинцев: я имею в виду Василия Константиновича Блюхера и Павла Петровича Постышева, легендарных героев гражданской войны.

Когда мы делали фотографии — перед началом съемок картины, — морщит сапожки, что режиссер-постановщик Борис Григорьев подбегает слышимых молодых артистов на главные роли. Но революция всегда мороз.

Военному министру и главному Дальневосточной народной армии Блюхеру было тридцать лет, комиссару Восточного фронта Постышеву — тридцать три, а командарму Петю Удалью Уборевичу — и того меньше двадцать пять.

Когда я только начал писать роман, пришлось столкнуться с множеством трудностей. Но главная трудность заключалась в том, что о периоде борьбы с интервентами и с белыми на Дальнем Востоке почти совсем не было архивных материалов. Пришлось поднимать документы сами по мере необходимости: например, мне удалось разыскать в архивах так называемого японского запаса Дальневосточной армии. Среди сотен помеченных страничек вдруг обнаружилась поразительно интересная записка Блюхера командарму вавилонки: среди подлинков газеты «Вперед» — статья Постышева; среди воспоминаний красных партизан и народолюбивцев Дальневосточной республики, записанных по горячим следам событий в 1923—1927 годах — удивительные по своей яркости эпизоды: как Постышев один оставил отступление тысяч партизан, как Блюхер организовывал войско, спешно сражающееся с сильными белыми соединениями и побеждать их.

Вообще надобно сказать, что у многих сложилось представление о работе в архивах, как о самом скучном, бумажном деле. Нет, с моей точки зрения, большое заблуждение, чем это. Сколько тысяч, я не оговорился, именно тысяч, сюжетов и героев для фильмов сорито пока в архивах, только надо забраться туда и поработать как следует.

В работе над сценарием и фильмом нам помогали многие люди. Особенно мне хочется побла-

годарить старшего члена Коммунистической партии города Николаевича Петрова: он очень добро и много помогал нам. Федор Николаевич в те годы был заместителем премьер-министра ДВР и членом Дабоборы. ИРБО, же возглавляла нашу делегацию на переговорах в Дарьин.

Когда киногруппа приступила к работе над фильмом, у нас господствовало впечатление: так это в первую голову относится к Борису Григорьеву, тридцатипятилетнему индустриалу, человеку талантливого, сибиряку, прошедшему хорошую школу кино: он был строителем, работал на самых разных самостоятельных объектах — и в кино, в мастерскую народного артиста СССР С. Герасимова пришел человеком сформировавшимся. До фильма «Пароль не жуем» был сопостановщиком картины «Первый снег». Работать с Борисом Григорьевым и всему съемочному коллективу и мне было в радость. Не знал усталости, трудился главный оператор Константин Арутюнов, великолепный, научничко, талантливо работали актеры Николай Губенко (Блюхер) и Родион Нахапетов (Исаев), редактор фильма Семен Илебанов — да словом, всех товарищей, отдавших свои способности и силы фильму, не перечислишь.

Мы были все едины во мнении, что время «кинофонов», время внешних киноэффектов прошло; сейчас надо стараться снимать и снимать всю правду, только правду и обязательно правду. Поэтому Борис Григорьев еще перед началом съемок уехал на месяц во Владивосток и Хабаровск, встретился со многими бывшими командирами и народолюбивцами, слушавшими под началом Блюхера и Постышева, и когда группа в полном составе переехала во Владивосток (там велись натурные съемки), Борис вышел на съемочную площадку отлично подготовленным и работоспособным. Он знал не только главное, он знал детали, он позанимался с громадным количеством таного, казалось бы, маловажного материала, который на самом деле позволял правдиво показать тот сложный и героический период.

Фильм закончен. Скоро он выйдет на экраны. Мы все будем с волнением ждать встречи со зрителем. Нам будет очень дорого мнение московских и ленинградских, и украинских, и узбекских зрителей. Но особенно нам будет дорого мнение наших друзей-дальневосточников, тех людей, свободу которым дали войска под командованием Блюхера, Постышева, Уборевича, тех молодых наших сограждан, которые живут там, где рождается солнце, в края, о котором Блюхер говорил: «Дальний Восток всегда был, есть и будет русским Дальним Востоком».

ОГНЕННЫЙ ВЗДОХ ПЛАНЕТЫ

В. ГИППЕНРЕЙТЕР

4 октября 1966 года сейсмографы вулканостанции в поселке Ключи на Камчатке начали записывать серии землетрясений со стороны Ключевской сопки. В ночь с 6 на 7 октября на северном склоне вулкана на высоте 1 300 метров образовалась трещина длиной около 800 метров. Началось извержение вулкана — боковой прорыв лавы.

Черные тучи, пронизанные молниями, огненные фонтаны, взлетающие на высоту сотен метров, были видны за 50 километров из поселка Ключи. К месту извержения устремились туристы и просто люди любознательные из окрестных поселков. Научно-исследовательскую экспедицию на вулкан направила вулканостанция поселка Ключи. Ее работу возглавила начальница станции молодой ученый Иван Кирилов.

На машине, на лошадах и на собаках, а больше пешком мы наконец добрались до базового лагеря вулканологов. В первый же вечер, несмотря на усталость, пошли смотреть лаву. За двадцать дней с начала извержения поток достиг длины более 10 километров, а общее количество изверженного материала составило 100 миллионов кубических метров!

В заснеженных берегах сухого русла реки Киригурин громоздятся черная и бурая масса камня. То там, то здесь рушатся большие глыбы лавы, и тогда обнажается ее раскаленно-пластичное нутро.

Весь следующий день идем к но-

вому кратеру. Пересекаем поток, шагая по черному от пепла снегу, а за нами тянется, будто на инертные, белые следы. За сеткой мегели и дыма мерцает красное зарево, доносятся ритмичный грохот. Отдыхаем около потока, в его теплом и сухом дыхании со специфическим запахом раскаленного камня.

Последний подъем — и мы у места извержения.

В черных берегах с раскаленным стеклами течет лава. Она вытекает быстро, со скоростью одного метра в секунду [как горячая река!]. Лимонно-желтая, с синими и фиолетовыми дынами газов, она вскипает гигантскими пузырями и круто порфиняется в русло. Специальными приборами — пирометрами — измеряем температуру: 1 200 градусов! На поверхность потока иногда обрушиваются большие глыбы остывшей лавы с боковых стенок. Падают... и не тонут. Даже не вымяют поверхность.

Дальше скорость потока падает. Меняется цвет. Из черного становится оранжевым, красным, бордовым, а дальше, в 300—400 метрах, поток чернеет — это остывшая кора.

Через верхнее жерло трещины, сорванное от нас шапкой конусом, взлетают редкие пелюшье взрывы. Они держат нас в постоянном напряжении своей невероятной, ужасающей грандиозностью. Черная туча, исчерченная всплывающей молнией, с злоеющим шелестом устремляется вверх, клубится и расширяется. В течение

2—3 секунд она перекрывает весь основной конус Ключевского вулкана, осыпая все вокруг лавами и пеплом. Там, где движущийся поток уже покрывался коркой из почерневших кусков лавы, можно выйти на него и некоторое время плыть, пока не припечет ноги. Вулканологи берут образцы пород и пробы газов с поверхности движущегося потока.

Здесь же, на его неподвижном, осыпшем берегу, мы и жили. В первую ночь под нами истлели спальные мешки и надутые матрацы; снизу жар, сверху сыплетесь снег, пепел, туман газов. А если ветер дует с потока, то снег превращается в кислоту грязь. Варим на горничих камнях. Вода из растопленного снега кислая и мутная. Камонная пыль скрипит на зубах, забивается в одежду, в волосы, фотоаппараты и научные приборы. На третий день стала расплываться одежда — исторические куртки, брюки, рукавицы. Газы, от которых укрыться невозможно, разрушают ткани.

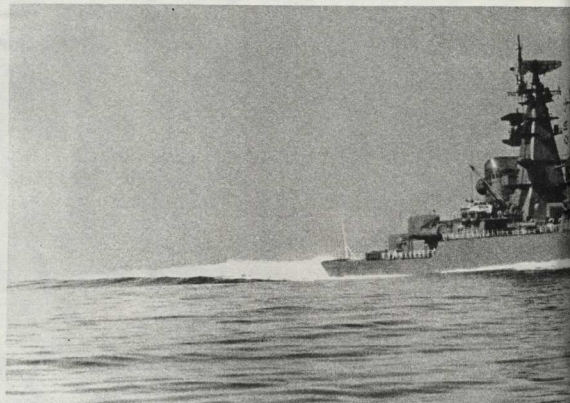
Извержение तो затухает, то усиливается. Черные потоки лавы проскакивают реке, но увеличивают поступление лавы. Поток растет шириной и в длину, растекаясь в боковые русла. Ночью он наплавывает большой город, мерцающий тысячами огней.

Сонга Ключевская — самый большой действующий вулкан Европы и Азии. Жители Камчатки уже не раз были свидетелями извержений огнедышащего великана. Правильный усеченный конус, словно сошедший с гравюр великого японца Хокусая, с гигантской чашей-кратером, достигающей в диаметре 800 метров, постоянно прорывающей и себя, и окружающие люди. В период наибольшей активности с расстояния во многие десятки километров по ночам видно красное зарево и всплески огненных фонтанов, вознесенных на пятнадцатичную высоту. То черные, несущие вулканически пепел, то белоснежные облака клубятся над его вершиной.

Там, где люди заперены селиться в непосредственной близости к вулканам, как в Японии или Индонезии, извержения вулканов несут прямую угрозу населению. В 1902 году туча горячих газов вулкана Мон-Пелле на острове Мартиника сожгла 30 тысяч жителей города Сен-Пьер буквально в течение нескольких мгновений.

Но не следует забывать и о созидательной деятельности вулканов. По мнению доктора геолого-минералогических наук Е. Мархинина, вулканическая деятельность имеет очень большое значение для жизни планеты. Вулканы выбрасывают из недр Земли за год в среднем три миллиарда тонн породы, содержащей газы и пары воды. Вулканический пепел разбрасывается на сотни километров вокруг. Таким образом, выброшенные из недр Земли продукты вступают в круговорот геологических явлений на ее поверхности, обогащая атмосферу и гидросферу. С вулканической деятельностью связано образование залежей многих полезных ископаемых.

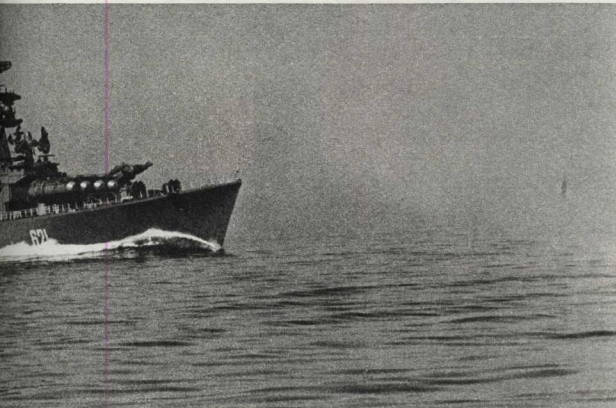
Известный советский вулканолог, член-корреспондент АН СССР Г. Горшков разработал метод, позволяющий определять глубину расположения магматических очагов в недрах планеты. Таким образом, ученые, исследуя внутреннее строение Земли, могут выяснить, с какой глубины извергнута на поверхность порода. Иными словами, вулкан можно теперь рассматривать как некую естественную скважину, доставляющую нам сведения из земных глубин. Магматический очаг Ключевского вулкана находится на глубине порядка ста километров.

«ЕСЛИ ЗА

В о Владивостоке, на морском набережном, где брошена навеки яхора не одна «морская дружба», есть особое место: там стоит памятник «Нижним чинам крейсера «Варяг», погибшим в бою с японской эскадрой при Чемульпо». Немалая часовенка с крестом, аккуратно подкрашенные, «немилые черные яхоры рядом с ослепительно белыми лепнами ограды. В дождь или морось — все равно, тот, кто порочил и памятник, смеет бескомпромиссно, фуражку, шляпу и постойт там, слюна голову, — вник или правник. Наследник.

Позже, на пути уже из Владивостока к Москве, случил свал менш с ордами из офицеров нынешнего ракетносисго «Варяга». Моряк делал в отпуске домой, на родину — в Рязань. Нет, в истории не бывает ничего случайного, она влечет крепкими узлами нити разных эпох. На знание, приключом и натело насторога, рядом с силуэтом четырехтрубного старинного «Варяга» — остроносый профиль современного ракетносиса с тем же названием. На фоне белого с голубым крестом андреевского флага — наш бело-голубой морской флаг, с серпом, молотом, звездой и золотой гвардейской петлицей. Ничто не отброшено, ничто не забыто.

ВТРА В ПОХ

Наверное, прошлым там же важно для народа, нам будущее: оттуда черпает он живую силу для трудов и борьбы, учит детей своих, чему выучен отцами и дедами.

***

Дальневосточная жизнь не простая, не обычная, в ней чувствуется сдержанное напряжение, особое радя внимательность к новым людям; ничего не подделывашь, границы. Один из районов Приморья так и называется — Пограничный. День пограничника в Приморье — это общий праздник, его считают своим и моряки, и рыбаки, и шахтеры, и школьники.

И не потому только считается он общим, что в день этот во всех семьях поднимают столочку за здоровья наших стражей и их успехи, а в шестах выгустит яркую стеногазету, щим празднество получается потому, что дело общее. Немало задержанных шпионов, контрабандистов, всяческих нарушителей пограничных правил и законов — заслуга населения. Пограничная застава и поселение рядом с ней — живое целое, один организм. Чем больше у границы наших глаз и ушей, тем лучше, тем верней и надежней.

Истату, о народных дружинах. В них входит рабочая молодежь, школьники. Это тысячные коллективы людей, регулярно занимающихся проверкой пассажирской, прибывших в пограничную зону рейсовыми автобусами или другим транспортом. Они следят и за детьми, чтобы всевозможные плахсредства не были использованы во враждебных целях. Дружинников можно видеть в порту, на причалах.

Полету по следу, выискивать, преследовать, мчаться, стрелять и, наконец, совершить необыкновенный похит — это ли не голубая мечта любого мальчишки? Но упорно втомольвают мальчишкам и девочкам Приморья, что подвиг — трудное дело, не зря он средни слову «подвигищество», в смысле которого заповедана не меторная вспышка неониданного поступка, а труд, неутомимое деление изо дня в день, из часа в час.

В военно-спортивных лагерях ЮДП (юных друзей пограничников) рабо-

Ракетносисный крейсер «Варяг».

За ними — вся страна.

Десант высадился. И гранула бой.

тают настоящие солдаты, сержанты пограничной службы, а недавно ребята одного района передали во владения «находящихся пограничную заставу». Там был разбит лагерь, где можно было полностью воспринять быт, индивидуальный распорядок жизни пограничников. Естественно ликование мальчишек!

Весной в Приморье только и разговор было с краевой военно-спортивной спартакиады; победителей ее наградили грамотами, подарками, медалими «за отличие в охране государственных границ СССР».

Кончата отметить существование черту военно-спортивного воспитания юношества Приморья. Оно не носит признака автономии от остальной жизни, оно не замкнуто в привычках и порядке назарменного существования. Во время спартакиады ребята возили на экскурсиях, в театр, организовывались самостоятельность, устраивались развлечения. Комсомол держит тесную связь с военными округами; они заинтересованы в такой поддержке взаимно.

В лагери военно-спортивного типа, как известно, шлола шлет отсюда не самых послушных и прилежных своих питомцев. Напротив, чаще всего это забияки, драчуны, ослушники и завидристы. Но ребята эти, как правило, полны энергии, для которой здесь находится разумное русло.

Молодой офицер пограничной службы Миколай Туранов рассказал: Мы исключительны угнетенной цени не ставим. Не все из ЮДП или групп содействия пограничникам станут в конце концов пограничниками, верно? Мы и смотрим на все это не как на какую-то профессиональную школу, а скорее школу характера, воли, школу воспитания гражданственности. Да и не только ЮДП — а и любители морского дела и сухопутники — иском что по душе. Ребята у них солдатский, суровый, выравняющийся, ну и дисциплина, конечно...

Силку откровенно, при словах «ремени солдатский суровый, выравняющийся» я почувствовала некоторую тревогу. Есть перлюманый возраст, когда формируется психологический, нравственный склад человека, идут в нем великие процессы становления личности, индивидуальности, и вдруг «выравняющийся». А может, равняющийся, ломающийся?

ЮДП лагеря на Русском острове мы приехали под вечер, когда в столовой уже готовились крутить ленту «Самое смелое и все население потонуло в туду.

Было туманное, сырой вечер, моросило. Какой-то мальчишка выбежал из дверей палаты, чтобы унести с дождя скучающего щенка. Увидел нас, незнакомых людей с фотоаппаратами, он быстро поворота и нам спросил:

— А вы кто? А вы зачем приехали?

Эстафету — наследника.

А чего у вас тут, и сумей? А это что? Это было проваление не бдительности, а сорудительного ребячьего харабобствва, полноты детского харабобствва. Со страстью в голосе плаван просия ему первому отырить, что им за люди и по какой причине прибили.

Нет, ребята не «выравняющийся» — мальчишка остался мальчишкой.

Утром после плотного завтрака старшина Вячеслав Маслов, имеющий звание младшего специалиста, собирает юнг в поход — матер «Приморский пионер идет их, пончавшись на волнах. Знания быстро мдевают форму номер 2, строятся, выполняю команды с подчеркнутым старанием; чувствуются, что поход — самая интересная, любимая часть учения. На пограничках у ребят булка «Ю», форма подогнана, бесознорины с надписью «Пионерская флотилия» сидит лихо. Но старшина зорким своим глазом различает беспорядки.

— Юнга! Как гойсы мдевет? Он подходит и парнишке лет 13, поправляет ему синий матросский воротник.

— Ты на среднюю пуговицу не застегивай, вот как у меня. — пониже голос, говорит он понравшившему юнге, у пацанов не самлюбие, и с ним нельзя не считаться.

У другого парня и форме принимают какой-то значок. Старшина терпеливо объясняет, что и рубо, кроме комсомольского значка, приделывать ничего нельзя. Третьего учит правильно заправляться. Наконец все в порядке, строй четко держит равнение, рассчитывается, затем, выполняя команду, идет и приходу.

Мальчишка, тот, что первым встретил нас, со сминной душкой, бежит, с завистью смотрит вслед.

— А я на будущий год тоже поступлю в эстафету, — говорит он. — Чего я, дуран, что лия? Я вот английский испрошу — и все. Только Миколай Алексеева очень придиривается, англичанка наша.

Там я узнаю, что в эстафетах не бывает двовичника.

Чему же учатся юнг? Учение не легкое. Программа занесит от хараб-

были специальности, избранной партиями: радиотехники, артиллеристы, мотористы, бомбар, штурман, рулевой, сигнальщик. Составлена программа занятий боевым отделом флота. Кроме того, есть и общие дисциплины: Устав Вооруженных Сил, уставные подготова, история и боевые традиции флота. Есть у них и собственный Устав. В Уставе флотилии, кроме всего прочего, говорится: «Быть преданным Родине, доромить често своего корабля». Работа на флотилии встречается с моряками на военных кораблях, подводных лодках, бываю в гостях у ветеранов флота и в свердловском училище. Летом начинается практика: изучают матер, ходят в штурманские походы.

Была волна, ветер дул резный, шквал. Один мальчишка, меньше других ростом, худышкой, с кепочкой шаей, стиснул руки в кулаки. Сергея Сивинского, командира отряда, подошла к нему:

— Что, бояз, замерз?
— Не, что ты?!

— Ничего, работать начнем — согреешься.

Началась работа. Сигнальщик, рулевой Филипп, лезет навверх, пологий Сергея Сивинский становится за штурвал, остальные рулевые стоят тут же, наблюдают за показаниями прибора.

И, конечно, ждут своей очереди. Катер идет к острову. Работы глядят по сторонам, безошибочно называя корабля. Многие из них подготавливают — зимой проходили практику на аснице, у многих отцы — моряки. Убы Сергей Брусил, например, отцу — старшем — «Дивногорск».

«Вы знаете, как он за меня переживает, когда я заезжаю в школу (инг славил да весь «Дивногорск» пережил — честное слово)?»
Сергея उसे зину учился, как водить корабля, как определять курсовые углы, заглядывать курс, пользоваться картой. Вполне возможно, но еще смелит Кудря-Ивану отца на «Дивногорск»! И, постигав злы трудностей дела своих отцов, ребята начинают относиться к родителям иначе — больше понимают их, уважают,

по-новому испытывают чувство близости, общности. Шесть человек ушли из флотилии в мореходное училище с характеристиками лагеря. Печать на характеристике, между прочим, адмирала.

Другой лагерь мы видели на Шамаре — одним из лучших дачных мест Приморья, среди лесистых сопки. Красивейший естественный грот, песчаный пляж, безмятежная, ласковая, тишина в солнечный день бухта, свернувшаяся в пригнутую морская трава на берегу, перламутр раковин.

Над аркой грота на скале укреплены доски с названием лагеря — «Неустрашимый». Воспитание любви к Родине, наверно, надо начинать с этого — умения видеть ее прекрасной, необъятной.

Место для лагеря выбрали долго, приistically. С начальником лагеря Анатолием Семеновичем Житниным четыре раза выезжал на поиски секретаря Уссурийского горкома партии И. Д. Выхватковским.

Все искали что самое: чубы и у моря, и не «лесной берега» и чубы эстоника в природе была... Нашли! В палатках поселили мальчишек из Уссурийска.

Это, вероятно, как во многих лагерях военно-спортивного типа, «темные дети» — спрашиваю я.

Житников, начальник лагеря, директор одной из уссурийских школ, держится иного мнения.

— Народ у меня с характером, но я лично в тихих не очень верю, из «темельки», по-моему, чаще вымываются настоящие люди. Правда, не само собой оно получается, не без нас, но, то уме arguing разговор.

Житников сразу располагает и сейчас он неторопливый, спокойный человек, из тех, кто умеет слушать и умеет признавать, кто знает и любит «хлопцове» его собственного сына, студента-педагога, тоже в лагере — на практике.

Неумеренное лагерное хозяйство — палатки, кухня, эвентрический дамжон, склад, Житников, оидино, хозяйство похозяйств не без гордости.

Горой горды своих мальчишек! Смотрите, это все там даин, на

общественных началах. Видите, мебель, кухня — это ж тес, кубометры тес! А бензин, а электростанция, а «ЗИЛ» наш! Это все от строителей, от хлебопашей. В нашем полку, между прочим, есть учебные винтовки, 10 мальшам, пистолет системы Магюрина, даме «минимот» есть. Все на стрельбах пробуюе. Намое впечатление производит на мальчишек!

Слова его тут же находят подтверждение. В руках у Житнинова ракетница. Предоступ военно-спортивная игра, и она нужна для сигналов.

— Анатолий Семенович! Дайте черноту!

— Хотя бы щепинку пустой ее ракетницы! Что же бывает на стрельбах! Не как-то во время пребывания в «Неустрашимом» я была свидетелем такого эпизода. Один солдат маленького звания бегал по берегу с независимым видом, и вдруг что-то выпало у него из кармана. Житников заметил и сказал что-то солдату, заговорщицки подмигнув. Солдат покраснел и спешно спрятал в кармане «майбут» — резиную дугушку, которую притачил из дому и притрал за пазухой. В жала, не зная ли Житников сетовать на это «детство», но он вдруг сказал:

— Хорошо бы в лагере для таких мальшей не воспитателя тинка, а воспитательницу, чтоб перла своим приласкала, песню или спела или сказку рассказала.

Днем пусь будет зарядка, строевая служба а вечером — сназид. Это сочетание не тинно, по сути, ничного противоречивого, просто довелет тут же система тренировок, а немность и мальчишкам, и сынам.

Иногда военные игры начинаются ночью, как ученья у солдат. Это «ночная прогулка». Складывают костер, и на расстоянии 30 метров от него и в 20 шагах друг от друга — засады. Они ждут врага, отряд которого имеет цель занять позиции тех, кто в засаде. Тинная, лесной шоя, а там, в ночной темноте, ползут, крадутся враги. Азарт игры неподделен, все идет по

правда, сражаются до конца. Сигнальщики перебивают цариными и шшиин. Победители жуют често заработанный шоколад.

Мы видели операцию «морской десант». Тут был выход в море на ялах, передача сигналов по рации и прочее. Когда выстрел из ракетницы возвестил «отбой», игру удалось остановить не сразу. Непотворные «убитые» вступили в строй с криком «ура!»...

***

...Как сейчас, вину перед собой горниста, трубачего тревогу, ялы, терпящегося в тумане, связанного Мишу Коскина, скатившегося с сопки, Сергею Любанова, прожаривающегося с боевым автоматом неподалеку от места, где скрыто зная. Потом несильно прицелившиеся ялы, крики «ура!», застревающие в горнице атаки кусты.

Растут защитники. Сановия ворков, рыбаков, рабочих, воспитанники на этих берегах, давай могут отдавать они места своего детства, юности, места, где дом и мать, где их учили читать и строить, мечтать и действовать, где их учили любить эту родную землю, сверкаемому морю и небу, горбатым сопкам, — разве могут отдавать они лады Родины своей! Когда трубач проигрывает «отбой», наше зная остается на месте. Там, где оно было...

***

В номере использованы
ФОТОСНИМКИ
В. ГИПЕНРЕЙТЕРА
М. КУХТАРЕВА
В. МИШИНА
Б. ПЕТРУХИНА
В. СМЕТАНИНА
Л. ШЕСТЕРНИКОВА

Юрий АДРИАНОВ

КАМЧАТСКИЕ СТРОКИ

У ИСТОКОВ

ПЕСНИ ПАМЯТИ

Двадцать второе июня —
Алые кроны расцветы,
Двадцать второе июня —
Теплое русское лето,
Снова влюбленные бредят,
Смотрят друг друга в глаза,
Снова в Россию прилетят
Морской зеленым бризент.
Этн четыре часа.

Вновь над озерною раской
Не засыпают березы,
Снова на сдвинутых насках
Смывают тревожные росы,
Снова вся Родина слышит
Эхо обугленных лет!
Ветер на танках колыхает
Морской зеленым бризент.

Двадцать второе июня —
Девушки сняты березы,
Двадцать второе июня —
Смывают росинки, как слезы,
Мир поднимается синий,
Памяти полны глаза...
На циферблатах России
Снова — четыре часа.

Короткий вспыл, знакомый
и щемящий,
Колодезного страна — журавля,
Как в глубь души, вхожу в лесные
щаци,
К тебе, нижегородская земля.

Глухие срубы в желтоватой песенки,
На ставках околдованная резь...
На маленьких крылах взлетают
песни,
Чтоб покружить и радимком
пржесть.

Гордась своей забытою красою,
Поет мне бабка тост и светло,
Как ей когда-то керженской весной
В ночных туманах гуд обогло.

А после лес старел и арестал,
Рождались дети,
Лишь утало и осветло лик.
Хоть сто годов жив на белом свете:
Лишь тот туман,
Лишь тот далекий миг!

Она вздохнет и мяго улюбнется,
Под плат седые spricht волоски.
«Жизнь замляя — жизнь реченькой
проплеться,
Размоет горь желтые пески!»

...Шуршали песней высохшие губы,
Вели меня и преддверью красоты,
К житейской были, что проста, как
срубы,
И нет мудрее этой простоты.

И нет страшнее на земле возмездья
Холодного, дубленого нутру,
Когда его покинут стаи песен...

Пуста изба.
Дверь бьется на ветру...

1. После восхождения

...Не думая о чем-то быстротечном,
С лица смывая ветер и туман,
Я пил прохладу из камчатской речки,
И отражение малялся в океан.

И было все торжественно-спокойным:
Теплые травы,
Белка облаков,
Вулканы — проржавевшие законы
Железных откатившихся веков.

И, как форель, над камнями летала
Чешуйчатая светлая вода,
И под ее журчанье вставала
И подступала к сердцу доброта.

Сошла усталость...
Образ счастья вечный
Был человеку тишиною дан:
Он жил в глазах,
Он отражался в речке,
И отраженые малялся в океан...

2. Ночь

Осиянная ночь над Камчаткой, над
русской границей
Где-то вспыхнет костром,
Отечная вдаль млану,
А под утро луна,
мгдая смешанным ресницами,

Словно яблони спелые,
скается с неба в тайгу.
А пока эти бутылки — как очи, на небо
воздетые.

Терпелива Камчатка,
как женщина верная, ждет
Или тот самолет,
что сейчас к ней взлетел
с Домодедова,

Или Витуса Беринга
старый судой пакетбот.
Непохожи здесь ночи на те,
что плывут над Рязанями,
Но сюда по крупнице мужик
вместе с памятью нес
Тишину предрасветную
в русском святом ожидании,
Потому по-владимирски
пахнет и здесь сенонос.

* * *

Струится Керженец.
И снова стою на хвойном
бережку.
Бревно-топак со дня речного
Поднимет окрожу башку.

Как морж, посмотри и уходи
Во глубины таежных вод!
Опять на местном теплоходе
Еще один уедет год!..

Мне в путь пора к простору,
К устью...
Летит плачущий первый снег...
С непостижимой детской
грустью

Уходим мы с любимых рек.
И видно Волгу за долами,
Спит в запани безальный плот.
Мне вновь. Макарьев куполав
В глаза вечерние плеснет.

Запахнут плесы горькими
дымом,
Начнется новая строка.
Но к устью всем необходимо,
Ведь дальше — новая река!

Все той же далью,
Той же Русью
Мне вправо нее ндти, ндти...
Есть вечные дороги к устью...
В них продолжение пути.

Победно, широко, упруго,
Своем раздвинув Берега,
Спокойной поступью Ветлуга
В леса вливалась и луга.

И вместе с ней в окрешей
снаде,
Собравшись в тесные ряды,
На Волгу с севера поплыли
Литые плотные плоты.

Неся дремучий запах злом,
Тапки граненые черты,
В своем движении достойны
Ее дериванной красоте.

И вместе с ними мы входили
Цепочкой утренных недель
В лесные небилы и были,
В ракитник, звезды и апрель.

И голос стал неторопливей,
И уходила суета,
В накую шумно погрузили
Нас в детстве давнем города.

И просыпалась в нас породе
Лесной суровой старины,
И западела в нас природа
Иной, заглагошей тишины.

Ломая льдов последних корки,
К дням изначальным

возвратись,
Там, что забыто даже Волгой,
Ветлуга наполняла нас...

ШТОРМ НА ВОЛГЕ

Волн чешуя, зеленая
и страшная,
Размывала, как сажу, берега,
И плывовет разномысленная каша
Огромного круглого котелка.

И плещется и бьется
в нервном зуде
Глухих глубин неясная вода.
И жизни смысл пролет в одной
минуте,
А с ним мечты и чувства,
и года.

Уже настал предел
у напряженья,
Он возле рта,
и кажется, вот-вот
Сейчас придет до самое
мгновенье,
Что жизнь и лодку зинкей
захлестнет.

Вздуревшая и спененная грудя
Смывает последний замерший
испуг...

Но все же есть всегда
в запале чудо —
В молчанье губ
И сдержанности рук...
И Волга, пену хлещаи

взметая,
Швырнет с размаху лодку на
песок...

Потом сквозь время в сердце
остывает
Тот диний леденящий
холодок...

13
НОВЫХ
СТИХОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

СЕДЬМОЕ ЖЕЛАНИЕ

1

Левка шел по солнечной стороне улицы и искал двадцать пять рублей. Собственно, «искал» не то слово: просто бред себе потихонечку, глядя под ноги и насчитывая какой-то пиратский мотив. А в глазах у него так и стояла твердая прозрачная булавка: вот она лежит у края тротуара, выдувается от ветра и полыхает флюоресцентным огнем. Люди переступают через нее, принимая, должно быть, за обрывок промокшей, но Левка не переступит, уж будьте здоровья. Левка всегда вачку. Зачем ему нужды были двадцать пять рублей, сказать трудно. Только если уж человек дошел до жизни такой, что ходит по улице и подбирает крупные банкноты, значит, на душе у этого человека невязко.

На двадцать пять рублей можно купить много: во-первых, польские тексаы с заклепками, во-вторых, перочинный нож и элгантную лупу в футляре, в-третьих, часы, в-четвертых, авторучку, в-пятых, китайский фонарь, а что останется — пойдет на ленинградское мороженое.

Левка остановился, с нежностью помечтал о фонаре и тексах и снова пошел вперед.

2

Под мышкой у него торчал дневник, до того истертанный и потерянный, что обложкой своей похожа была на старый валенок. А в дневнике на сорок восьмой странице измывалась записанная бодячим чернилами фраза: «Уважаемая Анна Матвеевна. Настоятельно прошу на днях явиться в школу для серьезной беседы...» На этом месте с пера химички сорвалась несприичная клякса. Чернила в химическом кабинете охотно вступали в реакцию с азотистой кислотой. Они испаривались и жизнедеятельность ледяной флюоресцентной шариковой ручки оставили лишь шпоре нейтральной цистерны.

Но сегодня на лабораторной Левка решил оторваться от этого прерогативного варианта и сел в одну плушку все попавшееся под руку реактивы. Результаты превзошли все ожидания. Левка зашпунула плушку в ящик стола и притих. Видимо, в столе была бумага, потому что вдруг потонула лампочка, и Клара Маркова поставила вопрос ребром: хочет ли Левка поджечь весь этаж или ограничиться химическим кабинетом? Левка искренне хотела ограничиться, он сунул руки в стол и зашуровала там что было мочи. Но тогда дым повалил, как из конюшарки, и Левка складотала единичку за дежурство и еще единичку за лабораторную работу. А пока он подсчитывала, сколько пятерок ему надо получить, чтобы нейтрализовать сегодняшнюю добычу, химичка принесла ему дневник со своим автографом на добрую память.

И вообще целый день неприятности сыпались на Левку, как консервные банки в мусоропроводе. После уроков он задерживался в подвале, поджидая Лариску, и когда она появлялась, тонкая, чернотелая, в своем темно-красном платье, вдруг какой-то хмель ударил Левку в голову. В общем, он хотел слезть к ней обнять, за что и получил хорошую оплеуху.

Глядя на Лариску стали огромные, как у сибирского котенка.

— Хочешь еще, хочешь еще? — быстро предлагала она, и Левке показывалось, что она смеется, но Лариска только так красиво зылась.

— Что, другим можно, а мне нельзя? — мирополиво заметил он.

И в ответ Лариска зажала ему еще одну оплеуху. Так они стояли в темных дверях и смотрели друг на друга: Левка — недоумевающий, Лариска — сердитый и веселый, даже с алобыстством.

— А второй раз за что? — деловито поинтересовался Левик.

— А это за то, что есть какая-то разница между тобой и другим. Понятно?

— Ага, — ответил Левик и, попятившись, спиной открыл тяжелую парадную дверь.

— Иди, чего стоишь, — сказала Левка, и Лариска, дернув тонким плечом, прошла мимо него совсем близко — так близко, что Левке как будто повисло на сердце кинттоком.

— Значит, что?

Лариска обернулась.

— Ты красивая, — сам не зная зачем, сказала Левка.

— А ну-ка — звучит ответила Лариска и, постои чуть-чуть, ушла.

Скажем прямо, была она неумело, распотырив пальцы, и не столько щека горела, сколько жаг у Левки загла.

«Вот и все», — подумала Левка, — и нет уже убеждения в личной жизни». Фраза эта получилась красивая, еще долго она пела в ушах.

3

Под влиянием жизненных катастроф в голову всегда лезут философские мысли. «Хорошо в июле месяце в дачной местности повеситься...» Это было первое, что пришло на ум. Впрочем, строгий бынал не Левкины, писать стихи он не любил, ему больше нравилась мотоцикла, да и вешаться Левка не собирался.

«Ну, ты, сучица в тексах с китайским фонарем», — сказала себе Левка. — Дать бы тебе волю, наворотил бы ты дел. Вот был бы у тебя три желания... то есть не три желания, а три возможности их реализовать. Переструна бы ты мир? Вие сонливое. Первое — чтоб в школе было все в порядке, второе — чтобы деньги нашлись, и третье — чтобы Лариска не задалась. И все в мире встало бы на свои места. А как споживо много было бы идти домой! Есть же на свете беззаботные люди. Вот этот угод, шапшер. Во, давай, долговозный черт! Семнадцать узлов, не меньше. А ну-ка, обгоним его по малой дорожке.

Нет, — размышляла Левка на бегу, — в три желания мне не уложиться. Устрою свои тексаы, так скажет, должица — и прозой дамае! Надо и про запас что-нибудь оставить. Станешь взрывать, мало ли чего еще захочется!

Мотороллер, как минимум. Вот и будешь потом лучиться: «Ах, на что жавка повеситься!» Нет, конечно, семь желаний надо иметь. И потом для человечества тоже кое-что не мешало бы сделать. Человечеству это необходимо.

Левка ускорила шаг. Долговозный все удалялся. Сгинула зубья и выпула руки из карманов, Левка пустилась рысцой. Ага, абытала. Интервал между ними стал медленно сокращаться.

«И вот молодой бегун», — комментировала свой рывок Левка, — мощным движением паеч словно бы раздвинула ветер и устремилась за — марсом. Рынок, еще рынок! На трибунах приставил. Ну, ну! Финиш».

Долговозный вдруг резко остановился у табачного киоска. Левка пролетела мимо него по инер-

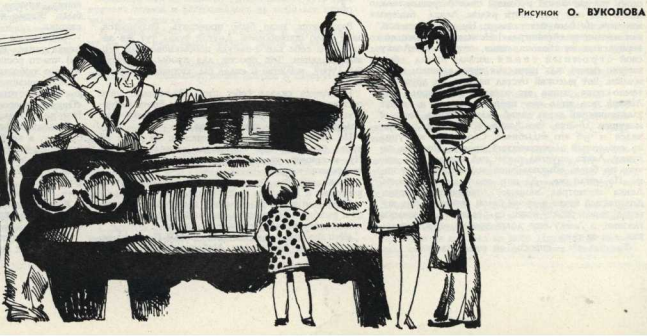

Рисунок О. ВУКОВОЛА

Обивка и в самом деле была хороша. Распахнула дверь, Левка увидела ее во всем великолепии. Покрытая, искристая, в выжгих просторках, она так и просияла яркостью. Итальянские бамперы светлели, шкаты и руль. Телым запахом сырого мотора веяло из-под ног.

— Сколько тебе платят, малы? — негромко спросил кто-то, выгнувшись к опущенному боковому зеркалу.

Левка испунула и ошившись поглубже, нагнула голову. Но не и скривясь томисте стекла ему было слышно, как поменялся и бранился, рассоался.

— Ты как привлек... Противно. Уж лучше бы я «Волгу» попросил. Или «Чайку»... А тут, наверное, и номер дипломатический, вот черт... На минуту Левка стало неуютно в автомобиле. Он посмотрел налево: мализионер кинул взгляд на него с презрением. Левка поехала руки на широкий холодный руль и тут только вспомнил, что водить машину он не умеет.

— Вот это раз! — сказала Левка вслух и еще раз повторила: — Вот это раз! Как же я поеду? Но отступать было уже поздно. Вылезла — доказательный повод, что машина твоя...

Левка недолго поехала и тихо сказала: — Хочу уметь водить. Хочу уметь водить.

И вдруг руль его алласто легла в руль, ступни поехали вперед куда-то в пол, поворот кама... и, микто присел на задние колеса, машина равналась вперед.

Левка откинулась на мягкую спинку, сделала неожиданно мощный поворот, так что руль его поехал влево и вправо, а сам руль выскользнул на синтетические ручки двери, и в это время пальцы его, на миг оторвавшись от руля, самовольно зашарили по щитку приборов. Шлячок — закрутила тихая музыка, и сомовная утка, микто качался, поехали под колеса. Люди пролетали почти у самого крыла. Казаюсь, что машина летит по воздуху.

— Эгей! Эгей!

И Левка зяпа. Он пел, как чучка, вслух всичну, о том, что у него машина это за спиною из скамеек поедает малака из стравусных вернух, что у овна клубком свернулся синтетический желтый тигренко, а под рулем — корюбка коричневых, шелковых в ошивку штар. И еще Левка пела, что жаль-то сумасшедшая штука, а он, Левка, парвон.

Немного неприятно было править, когда не знаешь, куда поедат руля. Казаюсь, что какие-то другие, скляные руки, обивка теби из-за пальца, лежат на руле. Времене от времени они касаются, поедат руля так чувствую, как-то они жарче, волосатые, волосатые. С руляками, закатынными выше локтей.

Левка пошарил в кармане, нашел свои проволочные очки, разбилые, треснувшие, с одной дужкой — и нацелена на нос. «Ну, что бы еще пожелать? А, была не была! Пусть самая красивая в мире девчонка сидет ко мне в машину!»

Через секунду Левка поехала о том, что сказала, но по-видимому, было уже поздно. Чужой взгляд холодно повернул барник. Машина вздрогнула и остановилась у края тротуара, циркуну шпной по бортику.

И снова Левка оказалась лицом к лицу с людьми. Иронически, с ушедшей улыбкой рассматривая его, она сказала: «Почему вы не поехали в казино? Там и в всех в глазах Левка читал: лайки. Нет, не похож он был ни на гада из «Интурпаста», ни на переводчика.

Моя машина, моя! Покинул — сказала всем Левка.

Но люди недолговечно проходили мимо. Кто-то невнядно пожедал сяди к автомобилю и рывком, по-зависше распахнула дверь. Машина качнулась, привалив повернувшись вправо, в казино запахом дукана «Ландиш серебрянсты».

Подошед от страха, Левка медленно повернула голову.

— Ты? — тутто спросил он.

Левка смущенно забавилась в угоду машин, сидела Лариска.

В сереньком халатике, в талках с помпонами на босу ногу, Пуговича и халата оторваны, и одной рукой Лариска придерживала воротник на груди, другою закрывала глаза.

Здравствуй! — сердито сказала Лариска —

Сам меня зва. Три квартала бежала из-за тебя, сумасшедший! И как раз вынул себе палеваля, вдруг кричат о дворе: «Выходи скорее, твой твой Левка зовут!»

— Не выпускай из рук руля, Левка молча смотрела на нее и, медленно сооржая, хлопала глазами.

— Ну, что глядишь, как заколованный — в заключение проговорила Лариска и взглянула в зеркало, подтолкнув. Растерявшись, да? Она алласто вынула из карманка шляпка и красиво закинула руку, так что рукава халатика упали до плеч, принялась убраться свои красные темные волосы.

Ну, дела — сказала себе Левка и мгновено взмог. Тут стлда. Вот сейчас вальдесе сюда какают-нико Лолоборджид Бардо — всесеняная бедка встреч!

— Саушай, Лариска, — сказала он каким-то засасывающим голосом, — ты не обижайся. Помнитешь...

Лариска медленно опустила руку, вынула шляпку из-за руля, странно взглянула на Левку.

— Ты меня зва, Левка? — тихо спросила она. Помнитешь... — весь обалдела поном от презрения к себе, забормотала Левка, — я, конечно, очень рада, что ты сюда заглянула, но и позовла... честное слово, я не подумала... машина и женщина, это в каждом кино говорится... в заграничном, конечно. В общем, сейчас сюда придет один мой знакомый...

— Пожалуйста! — быстро сказала Лариска, и Левка чуть не запала: так ему стало жалко ее и себя... — Я просто подумала... — Лариска дернула плечом и потянулась к ручке двери.

— Подожди! — умоляюще зашептала Левка. — Я нечаянно ее позова, честное слово! Я тебя хотела, правда же...

Левка уже высказалась на тротуар. Она хлопнула дверью и побежала, поминутно придерживая на коленях халатик, распахивающийся на бегу.

Оставшись один, Левка мрачно задумался. «Сначала нечего сказать: машина да его сейчас явится эта красотка. А может, и не сейчас. А может, она из Рио-де-Жанейро. Возьмет неделю через три и прибудет. С одним аймунэном сколько хлопот: тарак достать — одно желанье, тебе не ломаться! — безумным тожем надо как-то выкараулить из помолжения — это уже жель желанья, а потом ведь надо устроить, чтобы никто не интересовался, откуда у меня такая машина. Вот и весь потенциал исчерпан, а еще неизвестно, куда я на этом драчунашке съездит собираюсь. В шлоку, что ан яна на реку дешарке ловить? Он он огромный какой, целый автобус!»

Мимо овна автомобильной промышленности рослая девушка в розовых брючках и с пышными седыми кудрями. «Сила! Оценилтея, Левка тогда сделала за ней. Но девчонка колмо обогнула машину и затерялась в толде.

«Не ко мне!» — с облегчением вздохнула Левка. И вдруг его взяло такое зно, что он стукнул кулаком по колу и крикнул:

— Да провалитесь вы к чертам копытным вместе с вашей машиной!

В ту же минуту его так стукнуло по голове, что он даже ойкнул и, исполо и жалею забравшись по-наки, вылез из задком о горничной округ.

Машины как не было. Только вокруг чуча-чуча курил дымок и расплывался на асфальте пятно золотистого масла.

А Левка сидела у края мостовой и сооржая, лала, ведь надо было сначала выйти из машины. Нехорошо.

Он попула карманшек ковбойки — хрустит. Вста и, прихрамывая, вновь побрел к скверу.

«Вот так вот, братец мой. Утрохла пять желаний».

А все почему? Да потому, что капитализмом стать толка, под себя греб, бродяга. Да на эти пять желаний еще Сибиря можно было с троимками сделать. Колонизальным странам помочь. А то раз, два — и коммунизм. И у меня же у самого была бы автомашина. Если захочу с ней поехать, конечно. По крайней мере все честно.

С другой стороны, конечно, ни к чему коммунизм. Пусть даже коммунизм. Тут его алласто стурд, а там он вдруг сам пришел, как снег на голову. Навер-

няка только коммунизм будет скучный. Нет, уж лучше не пытаться под него. Заказем что-нибудь попорче, дад всех тогда и без панки. Доступны, на Марс кого-нибудь послать. Вот это идея!»

И Левка, оглядываясь и борюча себе под нос, хотела было зашарить уже рейс на Марс, но вдруг ему в голову пришла одна мысль:

«Послать свой аймунэ и чертам копытным и не подумал: а вышлоли инй Вадут он еще обратно вернется, да еще вместе с Лолоборджид Бардо? Потому как где их в наше время, черт-то копытных, отыщешь? Нет, уж лучше все предумствительнее заранее. А Вадут и с Марсом получится, как с копытными чертми? Забриснь человека, а куда, неизвестно. Может, и аппаратура для возврата еще не готова».

Левка остановился у скверя, прислонился к ограде. И алласто, спешит, на небо смотрит. Чего вам нужно, аллаид Дождя бонить, что ли? Так прямо и скажите, Левка сделает, не будет вам алложа. Хотя с другой стороны...

И тут Левка взвела досада. Оказывалось, все ведь иномет две стороны. В первый раз ему это пришлось в голову.

Он вошел в сквер. Солнце заметно покраснело, и от аллахо его веало холодным жаром. Приближался вечер, но на скамейках по-прежнему грелись уставшие, зашмыленные люди.

«Какие вы все нехорошие, черт!» — возмущался на аллоид Левка. — Посимпатичнее вас сделать, что ли?

Да нет, не стоит возмущаться, зарождается еще. Так-то это они попорче.

Левка сел с одним несимпатичным стариком в столпатын башмаках. Старик отдыхал на скамье, сторбившись, опершись жиластыми алловыми руками на палку, и то ан дремал, то ин про сто пурился на сомовный свет.

По другою сторону молодой женщина кормила грудью ребенка. Она так устала, что тогда пошла подобрада платье. А малыш, выпростая лопку, тербела его краешек одеяла и сучил язык. — Нервничай какой-то, — вздохнула Левка, и тут улоко крустидней бумажки слабо парашула ему грудь.

Левку как отнее обожгло. Вот оно, его первое чудо!

Какой-то рогатый расплашу бумажник — и проций четверть зарплата. А может, даже этой стариканки, что сидит рядом. Куда ему угнаться за ветром!

Левка стало страшн.

Значит, что жет?

Значит, вор? Обраловался, стреб — и бежать? Он тихо, крадувшись, вынул двадцатитрирублевку из кармана, опустил руку на спинку скамьи и, разжав пальцы, негромко сказал:

Я не вор, попятный? Я не вор. Пусть вернется на место!

Кредитка словно прилипла к пальцу: не хотела падать.

Лети ты! — Левка сделала подмигну бумажку, она как беловоз, вывернувшись в воздухе, и ветер здула ее под скамейку.

Левка сразу стало легче. Он глубоко вздохнул и, откинувшись, стал разглядывать соседей. Но седое желанье не давало покоя. Оно было такое одинокое, что обидно было оставаться его прозале.

Женщина сменила грудь, вздохнула. И Левка неожиданно отчетливо вспомнил Лариску в полдезде, ее темно-красное платье, взволнованные губы и глаза.

А еще — старенький халатик без пуговиц... И столпатын тапки...

И неожиданно для себя Левка тихо сказала:

— Пусть все аллаид будет счастливыми. Я хочу. И в первый раз не оглушался после этого о сопасе — не вадругал: почувствовала, что это — счастье.

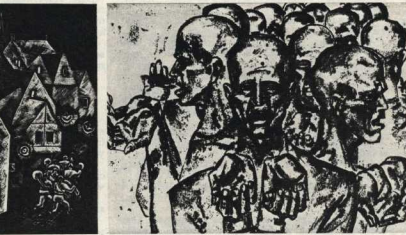
Медленно красная асфальт. Ничего, ну, ничегоничего не изменилось. Старик сидит, не меняя позы. И женщина по-прежнему не прятала грудью. Только Вадут она быстро взглянула на Левку и усмехнувшись, опустила глаза.

Левка всхлинула. Румянец зявла ее щеки аллоко в выдоху. Потом боннула.

Тут по алласто взглянул на него. Накло дала ее замечала, что пятн мигнуло назад от ступи счастья.

Наша выставка

ВЛАДИМИРСКИЕ ГРАФИКИ

В. РЫБАКОВ. Иллюстрации к произведению Б. Врега.

Уже несколько лет и с интересом наблюдаю за художественной жизнью Владимира. Сперва властно и уверенно так вставая на себе живописцы В. Юнин и К. Бритов, их архаичные, маврические, пыльные цвета и радостные картины «перешагнули пределы» области «справедливости» в картинных галереях других городов, побывали на республиканских и всесоюзных выставках. Вслед им устремились молодые художники области: имена В. Кукуркина, И. Модорова, Н. Морозова, М. Левина хорошо известны художественной общественности Москвы. А совсем недавно москвичи познакомились и с молодой динамичной графикой — в редакции «Смены» экспонировались листы Николая Баранова и Валерия Рыбакова. Н. Баранов верен традициям владимирских живописцев: он воспевает свой дедовский город, его величественную архитектуру — укрепленную, до сих пор хранящую память о воинской доблести нашего народа, старинные здания — свидетели судьбы его таланта и стремления к красоте, воспевает возмужавшие владимирские березы безграничную ширь полей, что не ограничиваются с фитоидной линией ритмично организованного белого поля. Фаворит Баранова — писал: «Когда скульптор рубит из камня и лепит пылающую и излучающую беседу, и образуются в пространстве, составляющие с фитоидной оной целое. То же самое и в гравюре». Баранов помнит слова и старается заставить «работать» не только краску, но и чистую поверхность листа.

Его волнуют сочетания старого и нового, древности и современности. Поэтому мы найдем в известной степени программные творческие работы сегодняшней молодежи перед величественным образом. Программа в нем и эмоциональная, которая чуть ли не становится художественным credo автора. В лучших из его гравюр мы непременно чувствуем его

личное отношение и показываемому, его «сопричастность». Благодаря чему возникает не просто внешнее изображение, но образ.

Другой молодой график, В. Рыбаков, не ограничивает свое творчество «византизмом». (Это не похваля и не осуждения, просто констатация факта: выбор темы еще не определяет художника.) Наиболее удачными его представляются его владимирские листы — рассказ о суровом и мужественном труде рыбаков, о обитавших к морю солдатах, о ритмичном работе домов, топившихся в долинах. В неглубоком, казалось бы, авиационном иллении он умеет найти поэтическое зерно, передать зрительно свое изложение, содвигать столь необходимым в изобразительном искусстве настроение. Он использует линии разных толщин, линии разной формы, переходы из одной формы в другую, их взаимоотношения, контрасты. Все это придает его графическим предметам пластичность. Драматической индивидуальностью исполнены гравюры к пьесам Б. Врега. Рыбаков не просто иллюстрирует драматурга, не просто показывает в своих гравюрах характеры персонажей и их психологию, но, раскрывая философию и социальную направленность Врега, делает героев символами его идей. Не всегда это удается ему в равной степени, но в лучших листах он достигает единства замысла и изобразительных средств.

Мы присутствуем сейчас при очень отдаленном зрении — в толпе у отдаленных художников, почти у каждого из которых «края», где всегда появляется собственное творческое лицо, художественное мироощущение. Темой же гротескно происходит искусство Владимира Тюртеева, Н. Баранова, индивидуальных по своей сути, но близких по живописно-изобразительному, лирично доказательству этому.

О. ВОРОНОВА

Н. БАРАНОВ. Памятник старости

Н. БАРАНОВ. За водой.

КОРОЛЕВА ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕСНИ

Эй, музыканты,
Это для вас и прозу это песню.
Эй, музыканты,
Это для вас и вокалу маля.
Для вас, стилисты,
Которых называют друзьями
любленных,
Для вас, гитары,
Которые говорят о солнце и голубом
небе.
Для вас, поэты,
Душой ветры, трубодуры весны и
осени.
Для вас, артисты,
Для которых жизнь — лишь
преграсная игра.
Что, танцуя, жонглируют с огнем...

Это поэт Мирей Матье. Она невосковая, худая, темноволосая, на бледных, плавя до колен, как теперь модно. Обаятельная девушка, очень слабая. Глаза хорошие, улыбка есть. Необычный только голос. Верно, для многих французских певцов голос не так уж важен, потому что они принадлежат большинству французской песни. Но ведь была Пиаф. У нее тоже песни с глубоким смыслом. Но, даже не понимая ни слова по-французски, люди замирали, когда она начинала петь. А те, кто слышал ее на сцене, удивлялись: маленькая женщина, некрасивая, худая, в черном платье — и подумавши, что это она. Нет, конечно, Мирей еще не Пиаф. Истари, сколько раз писали французские газеты после смерти знаменитой певицы, да и при жизни ее, что у нее по-прежнему прекрасней! И про Пиаф, про Пиа Ноломбо, и про Жюриет Леруа, все-таки была великая французская певица. Все ее — заморосил. глаза — тоном Пиаф. И простота, искренность, причем какой-то юношеская нежность — и та ей на руку. Ей еще приходится учиться: точному месту, умению слышать иногда свой голос ради создания образа, а голос пока не всегда слышится — он ведь тоже молодой. Но все, конечно, придет. Вада, как и Пиаф, Мирей никогда не училась петь. Пела для себя, пела для друзей. Да и это в самом авантюристическом Матье думал о карьере певицы для дочери! Мирей была старшей в семье из тринадцати детей. «За двадцать пять лет семени жизни», — говорит Пиа Матье, — у меня не было ни дня отдыха. Нелегко воспитать тринадцать детей». Когда девушка исполнилось 18 лет, ее пригласили выступить на конкурсе молодых певцов-любителей, который транслировался по телевидению. Через несколько недель она была пела в знаменитом конкурсе «Олимпия» в одной программе с известным французским певцом Сашей Дистером. С тех пор не прошло и двух лет — гастроли по Франции и за границей, пластинки, выступления по телевидению, восторженные отзывы в печати.

Возвращаясь к юмориста французского мозаики-холла, в составе которого Мирей Матье выступала в Москве, Ленинград и Казани, я завет ту песню, что мне так понравилась:

Эй, музыканты,
Это для вас я прозу.
Сегодня или завтра
Мы отпразднуем в ладу,
У которого неторода не будет конца.
И Мирей прожигает в Москве.
Новое открытие вчерашних друзей.

Ее друзьями были все советские артисты, и с каждым из них становилось все больше. «Костюры всех любимых мною французских песен родилась маленькая народная норма» — так сказал о ней патриарх мировой музыки и старейший французский певец Морис Шевалье.

А. ИГНАТОВ

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

СУДЬБА
«АВТОПОРТРЕТА»

В Ленинграде, в Русском музее, сегодня вы сможете увидеть две картины знаменитого русского художника начала XIX века Карла Брюллова. Эти полотна неразрывно связаны с Италией, с ее прощаниями. Одна из них — огромная, величественная — называется «Последний день Помпеи». На ней — кроваво-красный отсвет взлетающего вулкана Везувия. Мы видим веренище людей различных характеров, общественных положений. Их лица напряжены перед страшным концом — вскоре они будут обгорены под дождем раскаленных камней и пепла.

На ступенях помпейского храма, освещенного вспышкой молнии, мы замечаем юношу с курдюкой головой и немного приоткрытым от удивления ртом. На голове юноши плоский диск с кистями и красными. Это художник. Он рядом, с нами-то неосторожным любопытством всматривается в огненный столб дыма над вулканом.

Теперь установлено, что образ юноши из Помпеи — это автопортрет Карла Брюллова. Особенно наглядно в этом можно убедиться, если познакомиться с другим, по сути, единственным произведением Карла Брюллова, хранящимся в Русском музее, — «Автопортретом».

Остановимся подробнее на примечательной истории этого эскиза.

В номере газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» от 14 марта 1873 года говорилось: «Истия, о Брюллове. В прошлом году нашедшего Милана дотоле неизвестный его портрет, писанный им самим, и напечатан при следующих обстоятельствах.

Известный флорентийский живописец Ус-

си заглянул в окрестности Милана, куда привыл на выставку. Восьмью спутница заставила его заехать в близлежащий городок за доктором. В вагоне он разговорился с соседом, доктором Урлиани, который сообщил ему, что ему не первый раз случается знакомиться с художественными знаменитостями, и он назвал Брюллова. Оказалось, что Брюллов Кадео в аэроу, когда была выставлена в залах «Помпеи».

Старая газета рассказывает, что русский художник предзнавдал свой портрет для галереи Урлиани по Флоренции. Но живопись резко изменила планы. Автор картины «Последний день Помпеи» доктор был срочно выехать на родину.

Автопортрет оказался незамеченным. Многие любители искусства просили продать за большие деньги это произведение. Но Брюллов отказался.

Цельный год пролежал русский живописец в гостеприимной семье Карло Кадео. Скромному итальянскому семейству и подарили Брюллов своей автопортрет. Этот год, по воспоминаниям самого Брюллова, был едва ли не самым счастливым в его жизни.

Дальнейшая судьба «Автопортрета» оказалась сложной и запутанной. Долгое время портрет Брюллова был у потомков Карло Кадео, затем портрет сменил многих хозяев. В 1902 году его купил русский инженер и привез в Россию. Наконец дар художника итальянцам был выставлен в Русском музее в Ленинграде.

Константин ИВАНОВ

Поэт Мирей Марге.

Фото М. БУТЕНОВА

Мужество

Писатель Николай Бирюнов тридцать лет был прикован к постели неизлечимой болезнью. Но и в таком состоянии он продолжал думать, творить. Он писал ежедневно, не давая себе ни минуты отдыха. Один за другим появлялись его романы «Чайка», «Воды Сарына», «Сквозь вихри враждебные» — сборник рассказов и очерков.

В поисках материала для своего книги Николай Зотович много путешествовал. Колесил с неподвижно лежащим человеком по всей России, в Средней Азии, то в горах и долинах Казахстана, то на съездах писателей, — ни на один день он не хотел отрываться от людей, от жизни страны.

Последние годы он жил в Ялте. Летом его колесил все время столбец в палатке, разбитой в урюком уголке на берегу моря. Кислято Бирюнов на несколько дней приехал в Москву и пригласил меня в гости. Я пришел и неминуемо в тот момент, когда он на аптекярских весах отщипывал себе еду.

Это великолепно — жить все время на воздухе у моря, — говорил он. — Крутые сутен шум прибоя, а ночью над головой черное небо, усыпанное звездами. Чувствуешь себя каким-то Робинзоном XX века. Но в отличие от Робинзона, жившего на необитаемом острове только с Пятницей, меня ввечеру часто навещают артисты, приезжающие на гастроли в Ялту, и дают концерты».

Бирюнов помогал, готов улыбающийся и сказал: — Однажды мне пришла в голову мысль научиться плавать... Вы шутите, Николай Зотович? — с искренним изумлением воскликнул я. — Конечно, воскликнул! Я поделился этой мыслью с близкими, они отнеслись к моей затее точно так, как вы... И вот в один прекрасный день подавил меня, раба Божьего, и беру море и на соединенных спасательных кругах задлительно ступаю в воду. Перебуваю минут пять, приказанных, жутковато было. А теперь плаваю почти каждый день... И, представьте, ничего, привалил. И это говорит человек, у которого двигались только нистры рук.

Ав. ЛЕСС

Павел ХМАРА

ПАРОДИЯ

Олег Дмитриев

- «Все придет не раньше и не позже» — в свой, как полагаются, черед».
- «Становится в очередь за плаву, но не становится на пути Тех, кто по порядку и по праву Должен быть сегодня вперед».

«Очерк 1946 года».

«А тот, переноса лицо, зверя. Натрапоз, покаяния, берез. О Боже, ни он хочет поскорее, Расставив лопки, вырывается вперед».

«Моим лучшим друзьям», Стихи из книги «Удар по крепости».

Увидяши в недрах Господата, Как поэты в очередь встают, Я спросил, чего дают, ребята? Сказу, мне ответили, дают, Все конурт буржо бурной славы, Тильш один пост спознов был, К'го здесь крайний, градиване, за славою!

Я тогда последний спросил, Думаю о суетности мира, Я стою и вил предлет черед, Вдруг главу одну, другой пройма В гетили бед очереди пере! Кто чешет — ширеет в досаде тема, А продохам — финиша чед, Пародиста, своего, помню, Натянем пародии строчат! Ну и ладно, Подумайте немножко, Нам не к спазу, чай, не ободур! Я за славою, слово за партовою, Встал и вил, Полюбовно — дау!»

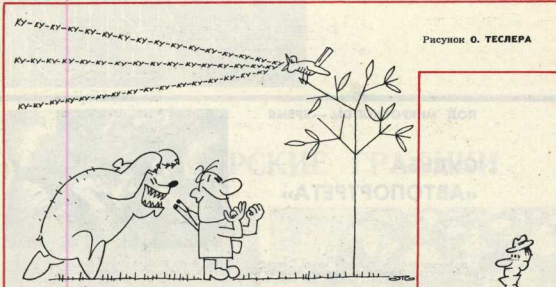

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

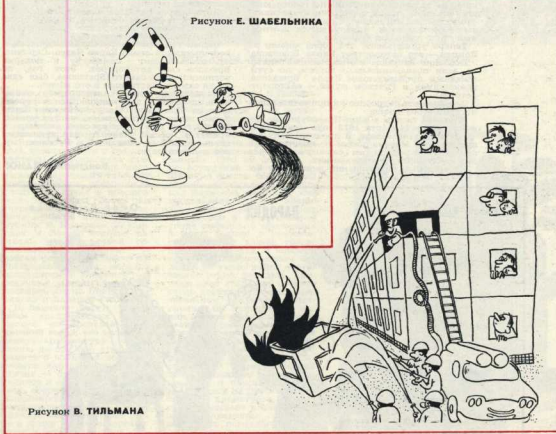

Рисунок Е. ШАВЕЛЬНИКА

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

На первой странице обложки: Памятник колонна при въезде во Владивосток. На одной стороне ее высечены издалека видные слова: «Как гранитный утес неизбежно стоит на берегу Тихого океана Советский Владивосток — город морская и рыбаков, город пограничников». Фото С. ПЕТРУХИНА

ПОПРАВКА

В № 15 «Смены» за 1967 год на стр. 16 двадцатую строку снизу следует читать: «Сейчас в республике свыше 16 тысяч врачей, из них более двух тысяч врачей-педиатров»

5

КАНУТ

НА ОДНОМ МЫШЛЕ НИЕ

Ответы на задачи «Смена» № 18

Кануты в горшках 2 и 5.

25	65	9-99
17	33	49-99
57	1	41-99

Второй слева. Из-за маленького роста он поднимал подушку на сиденье.

1. Среди этих четырех озотников определите самого неопытного.

2. Из этих восьми рисунков только два одинаковы. Какие?

3. Найдите цифры, скрывающиеся под графическими символами. Подставьте цифры, вы получите по горизонтали и вертикали арифметические действия.

	:		=	
	+		=	
	-		=	

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганчик, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Долматовский, К. Н. Замощкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рыбчиков, Г. В. Саменов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Вузынский проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 3-32-84; печати и полиграфии — Д 1-03-51; международной связи — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-16; фотоцентра и репортажа — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-39.

Художник-оформитель О. Теслер
Технический редактор Н. Вудкина

А 90212. Подписано и печатно 15.IX.1967 г. Формат бум. 70 x 108/16.
Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1 100 000. Изд. № 1769. Заглав. № 2555

«Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Не спит, лирично

бура

Ты открыт океаном волнам, Сахалин.

Ты открыт океаном ветрам, Сахалин. Ты работаешь, солью дыша, и жовешь — нараспашку Душа,

остров долгих путей, остров сильных людей — край родной советской земли, Сахалин, Сахалин.

Ты, Сахалин, и жавешь паруснику Душа, Сахалин.

ост - раа долгаа пугей, ост - раа долгаа лю

дети. Край родной советской земли, Са-ха

Для проложивших? Для проложивших? - ли-ли. Са-ха-ли-ли. - ли-ли, Са-ха-

Оптимистами

ли-ли. - ли-ли. прое ни.

Ты открыт океанским ветрам,
ты открыт океанским волнам.
Ты работаешь, солью дыша,
и жовешь — нараспашку Душа,

остров долгих путей,
остров добрых людей —
край родной советской земли,
Сахалин, Сахалин.

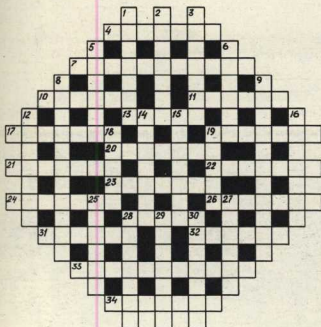
ПРИМЕЧАНИЕ. После каждой строки основного куплета повторяется слово «Сахалин». (См. ноты).

Ты на вахте встречаешь рассвет,
ты в рыбацкую робу одет.
Ты следишь за простором
седым — на границе стоишь часовым,

остров долгих путей,
остров сильных людей —
край родной советской земли,
Сахалин, Сахалин.

Ты грозил мне волной штормовой,
ты грозил мне пургой ледяной...
Ты проверил заalkу мою,
и тебе я, как другу, пою:

остров долгих путей,
остров славных людей —
край родной советской земли,
Сахалин, Сахалин.

КРОССВОРД

Составил С. ТРОХОВ, г. Ленинград

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫ В № 18

По горизонтали:

- Картина Н. А. Ярошенко.
- Студенческое спортивное общество.
- Порт в Германской Демократической Республике.
- Река в Казахстане.
- Музыкально-драматическое произведение.
- Стальная рыба.
- Город в Иркутской области.
- Архитектурный элемент, металл.
- Курорт в Литве.
- Небольшой диван.
- Государство в Северной Америке.
- Ансамбль музыкантов - исполнителей.
- Часть плуга.
- Выведенный искусственным способом сорт дачных, порода животных.
- Герой романа А. С. Пушкина.
- Роман Э. М. Ремарка.
- Стихотворение В. Маяковского.

По вертикали:

- Советский писатель-сатирик.
- Арифметическое действие.
- Торжественная хоровая песня.
- Верхняя короткая одежда.
- Единица длины.
- Русский математик XIX века.
- Композитор, народный артист СССР.
- Хирург, лауреат Ленинской премии.
- Приспособление для прыжков с большой высоты.
- Цветочные декоративная полоса.
- Представитель населения европейского государства.
- Охотничья собака.
- Горная система в Африке.
- Отряд пограничной охраны.
- Автор «Баллады о 26».
- Город в Японии, на острове Хоккайдо.
- Гарьса у стены дома.
- Розыгрыш по билетам.

По горизонтали:

- Фарадей.
- Вишня.
- Арамис.
- Слагатор.
- Арамис.
- Ургенч.
- Гран.
- Селдгер.
- Стен.
- Бразилья.
- Осветитель.
- Своершное.
- Рейсшина.
- Монотрафия.
- Координата.
- Удод.
- Львовод.
- Фтор.
- Орбита.
- «Напада». 42.
- «Запоровец». 43.
- Прода.
- Аннон.
- Эрмитаж.

По вертикали:

- Тарантелла.
- Варгуни.
- Горювниск.
- Пшевма.
- Лангет.
- «Варяг».
- Яссы.
- Азур.
- Савни.
- Резерфорд.
- Египетско.
- Транктор.
- Автомат.
- Серебро.
- Планета.
- Фильднер.
- «Молодежь».
- Коперник.
- Упрон.
- 33.
- Осипов.
- 38.
- Три.
- 37.
- Радин.
- 38.
- Лазо.
- 39.
- Рица.

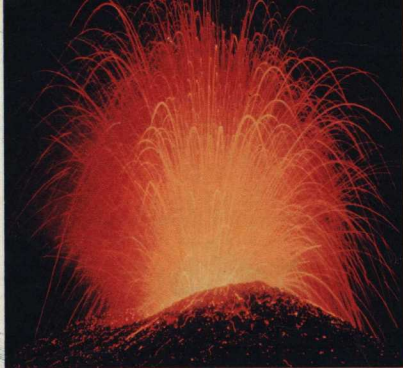
ОГНЕННЫЙ ВЗДЫХ ПЛАНЕТЫ

Репортаж
Вадима ГИПЕНРЕЙТЕРА
читайте на 21-й странице.

У каждого вулкана свой «характер», и извергаются они по-разному, в зависимости от состава пород магматического очага, из которого происходит извержение.

Вулкан Толбачин, сосед Ключевской, изливает на поверхность длинные потоки жидкой лавы. Вулкан Шавелуч или вулкан Безымянный грандиозными взрывами выбрасывают из глубин земли многие миллионы тонн расисленных камней и пепла. Действующий вулкан Эбено на острове Парамушир (Курилы) длительное время находится в состоянии газовой деятельности. На его склонах находится сотни газовых фумарол, отлагающих горячие ручьи и рени, насыщенные солями и кислотами. Одна небольшая речка Юрьева ежегодно выносит в море 35 тонн растворенного железа.

Наблюдения последствий извержения Ключевского вулкана продолжаются до сих пор.

Фейерверк на склоне Ключевской сопки — новое извержение вулкана.

Получить пробы только что излившейся лавы очень важно: она несет сведения о глубочайших недрах нашей планеты.

